ПАМЯТНЫЯ ЗАПИСКИ СВЯЩЕННИКА КИРИЛЛА РЯБОВА.

Уступая желанію нѣкіихъ собратій моихъ о Христѣ видѣть описаннымъ и мое странствованіе по распутіямъ душепагубнаго раскола, а также обращеніе къ православной церкви Христовой, я принимаюсь за перо съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ и этотъ ничтожный трудъ мой, предпринятый изъ послушанія, бывъ присовокупленъ къ богатой сокровищницѣ другихъ подобныхъ трудовъ, принесъ соотвѣтственную пользу прежде бывшимъ собратіямъ моимъ, къ сожалѣнію, коснѣющимъ въ отчужденіи отъ спасительнаго ковчега Христовой церкви.

Родитель мой былъ крестьянинъ Вятской губ., Глазовскаго уѣзда, деревни Кулябинской, Еѳимъ Яковлевъ Рябовъ; онъ родился 1788 года въ православіи и до 20 го-

довъ былъ прихожаниномъ къ церкви села Святопольскаго. Въ ранней молодости, 18-ти лѣтъ, онъ былъ избранъ обществомъ въ должность сельскаго старшины; 23-хъ лѣтъ онъ уже служилъ волостнымъ головою и съ этого времени, до 1830 годовъ, постоянно занималъ въ обществѣ разныя должности, болѣе же волостнаго писаря. Онъ былъ въ короткомъ знакомствѣ съ проживавшимъ въ этой волости, закоренѣлымъ раскольникомъ, купцомъ Іоною Телицынымъ, занимавшимся сплавомъ лѣсовъ и лѣсныхъ издѣлій въ низовыя губерніи и преимущественно Саратовскую (а); наслышавшись отъ него о славѣ и великолѣпіи извѣстныхъ раскольническихъ Иргизскихъ монастырей, отецъ мой согласился побывать туда. Путешествіе это было предпринято имъ вмѣстѣ съ купцомъ Телицынымъ и нѣкоторыми изъ родственниковъ родителя, увлеченныхъ разсказами о процвѣтающемъ тамъ благочестіи. Чинъ и порядокъ Иргизскихъ монастырей такъ понравились отцу моему и его спутникамъ, что они возвратясь домой рѣшились вовсе оставить православіе и перейти въ расколъ, чему кажется не мало также содѣйствовали безпечность и нерадѣніе о своемъ долгѣ приходскаго священника... Вмѣстѣ съ отцомъ моимъ перешли въ расколъ все его семейство и всѣ лучшіе въ обществѣ люди. Новые раскольники пріобрѣли множество старопечатныхъ книгъ, устроили, въ домѣ отца моего, просторную моленную и завели по образцу Иргизскихъ монастырей домашнее богослуженіе; для наученія же церковному уставу и пѣнію по крюкамъ отправили на Иргизъ молодыхъ своихъ дѣтей мужескаго и женскаго пола; въ числѣ ихъ были отправлены два родныхъ моихъ брата Даніилъ и Максимиліанъ и двоюродный дядя Абрамъ Абрамовъ; оба послѣдніе на родину уже не возвращались. Абрамъ вскорѣ принялъ на Иргизѣ монашество съ именемъ Аѳанасія и былъ сдѣланъ уставщикомъ Верхне-Спасо-преображенскаго монастыря. Уставщики Иргизскихъ монастырей пользовались такимъ почетомъ, что бѣглые, проживавшіе въ монастыряхъ, попы были въ совершенной отъ нихъ зависимости и ничего безъ дозволенія ихъ не могли дѣлать. Уставщикъ Аѳанасій въ послѣдствіи былъ лжеепископомъ австрійскимъ, и при немъ братъ

(а) Этотъ Телицынъ и крестьяне Семенъ Артемьевъ и Сильвестръ Ѳедоровъ Наймушины—основатели знаменитой Наймушинской часовни, прихожанъ коей считается около 10-ти тысячъ душъ.

мой Максимиліанъ былъ протодіакономъ. Со времени обращенія своего въ расколъ, отецъ мой велъ непрерывныя сношенія съ Иргизомъ, и мѣстечко наше сдѣлалось самымъ дѣятельнымъ раскольническимъ миссіонерскимъ станомъ; во главѣ его стоялъ мой отецъ, изо всѣхъ силъ хлопотавшій о совращеніи другихъ въ мнимое благочестіе и старовѣрство. Во всѣ дни великихъ праздниковъ, въ дни воскресные и великихъ святыхъ онъ совершалъ церковныя службы по уставу. Онѣ начинались въ первомъ часу ночи всенощнымъ бдѣніемъ и продолжались съ часами до 12 часовъ дня. За всенощнымъ вычитывалъ онъ всѣ поученія, положенныя по уставу: такъ по первой каѳисмѣ читалось 1-е поученіе изъ толковаго евангелія, по второй каѳисмѣ 2-е; по 6-й пѣсни утреннихъ каноновъ всегда читались житія святыхъ и бывали иногда чтенія по шестопсалміи, и по 3-й пѣсни каноновъ. Нерѣдко кромѣ чтеній, положенныхъ по уставу, родитель читалъ еще по своему выбору изъ Ефрема Сирина, Аввы Дороѳея и проч. Къ службамъ этимъ собирались не только жители селенія Кулябинскаго, но и изъ другихъ селеній раскольники и православные. Часто, по окончаніи службы, отецъ мой, взявъ книгу, садился и читалъ народу, добавляя чтеніе толкованіями отъ себя и, какъ могу припомнить, любимая бесѣда его была о терпѣніи скорбей, причиняемыхъ старообрядцамъ властями, на текстъ Евангелія: *будите мудри яко змія, и цѣли аки голубіе,* и о перстосложеніи; въ послѣднемъ случаѣ онъ начиналъ поученіе словами: *отъ противящихся десницѣ твоей сохрани мя Господи аки зѣницу ока* (Пс. 16, 9). Служеніемъ и поученіями, а главное строгимъ образомъ жизни, отецъ мой пріобрѣлъ себѣ между послѣдователями старообрядства громкую славу и всеобщее уваженіе, такъ что и самые богатые и передовые изъ нихъ не дѣлали ничего безъ его совѣта и за рѣшеніемъ всѣхъ своихъ недоумѣній обращались къ нему. Всѣ порученія настоятелей монастырей о сборахъ и проч. повѣряемы были ему одному, и не напрасно: никто не могъ имѣть столько такта въ обращеніи съ старушками и искусства объяснять имъ нужды и потребности монастырей, и никто изъ наставниковъ не могъ быть столь безкорыстенъ какъ онъ; отъ природы серіозный, набожный, строгій самъ къ себѣ, онъ былъ для всѣхъ примѣръ совершенства. Безкорыстіе его было поистинѣ удивительно: иногда отказывая себѣ въ необходимомъ, онъ тратилъ послѣднюю копѣйку на пріобрѣтеніе какой-нибудь книги или иконы.

Овдовѣвъ послѣ перваго брака, въ 1827 году, онъ, черезъ три года вдовства, женился на 26-ти лѣтней дѣвицѣ Іуліаніи, дочери прежде помянутаго одного изъ основателей Наймушинской часовни Симеона Артемьевича Наймушина, воспитанной въ Иргизскихъ женскихъ монастыряхъ Успенскомъ и Покровскомъ; въ послѣднемъ она управляла клиросомъ. Это моя родительница. Съ этого времени, несмотря на то что сдѣлался двубрачнымъ, отецъ мой занялся исключительно, пуще прежняго, наставничествомъ и обученіемъ грамотѣ дѣтей, а родительница обучала пѣнію по крюкамъ и проч.; и гдѣ бы они не проживали, всегда въ домѣ ихъ была порядочная школа, въ коей обучались дѣти многихъ и православныхъ, которыя конечно уже дѣлались раскольниками и увлекали свои семейства въ расколъ. Вскорѣ послѣ брака родитель мой былъ упрошенъ обществомъ Курьинско-утинскихъ старообрядцевъ къ ихъ часовнѣ въ настоятели; но едва успѣлъ установить здѣсь порядокъ дѣлъ и богослуженія, какъ настоятельнымъ прошеніемъ членовъ общества Наймушинскаго убѣжденъ былъ принять начальство въ ихъ часовнѣ. Проживъ тутъ четыре года, вздумалъ снова путешествовать на Иргизъ и, пробывъ тамъ нѣкоторое время, возвратился опять въ селеніе Кулябинское; въ это-то время и въ этомъ Кулябинскомъ селеніи 1839 года, на 2-е іюня, явился я въ многомятежный міръ сей и нареченъ при погруженіи Кирилломъ. Полное же крещеніе, совершавшееся тогда въ поповщинѣ бѣглыми попами, за отсутствіемъ оныхъ въ нашей мѣстности, отлагаемо было на неопредѣленное время, до удобнаго случая; хотя и проживали, временно при Наймушинской часовнѣ бѣглые попы, въ особенности въ зимнее время, но тогда почему-то ихъ не было, а потому болѣе состоятельные ѣздили исправлять духовныя нужды свои въ Казань, гдѣ, при бывшей часовнѣ, находились постоянно бѣглые попы (а). До пятилѣтняго возраста моего ни одинъ изъ бѣглыхъ поповъ, неизвѣстно почему, не пріѣзжалъ въ нашъ край; наскучивъ ожиданіемъ, родители мои, взявши меня и меньшую сестру мою Елену, съ прочими родственниками отправились въ Казань къ находившемуся тогда при часовнѣ попу Ѳеодору. Ближайшій управитель этихъ поповъ былъ тогда казанскій купецъ Лука Ѳедоровичь Свѣшниковъ; онъ-то и былъ воспріемнымъ отцемъ моимъ и двоюрод-

(а) Нынѣ тутъ единовѣрческая церковь.

наго моего брата Ермила Аксенова. На пятомъ году возраста моего, родитель мой началъ учить меня грамотѣ. Въ первый годъ ученія, я прошелъ азбуку и часовникъ. Часовникъ, по которому я учился, былъ старописменный, *безъ раздѣловъ* и съ обычными въ старописменныхъ книгахъ сокращеніями и я по нему учился уроками успѣшно; когда же дана мнѣ была печатная псалтирь, то послѣ старописменной замаранной книги, она показалась мнѣ столь легкою, что я началъ читать ее безъ заучекъ. Седми лѣтъ я уже могъ читать за службой, не только псалмы, но и утренніе каноны и на часахъ Апостолъ, что видимо радовало родителей моихъ. Почему желая дать мнѣ, по ихъ понятіямъ, большее совершенство, они старались занимать меня чтеніемъ Св. Писанія, твореній св. отцевъ и житій святыхъ. При домѣ нашемъ, въ огородномъ саду, было нѣсколько ульевъ пчелъ, которыми занимался родитель мой съ особеннымъ усердіемъ. Въ лѣтнее время отецъ мой, какъ человѣкъ серьозный, чтобы не допустить меня обыкнуть съ прочими мальчиками дѣтскимъ шалостямъ, поручалъ мнѣ смотрѣть за пчелами; а чтобы и тутъ я непроводилъ время праздно, непремѣнно давалъ книгу и вечеромъ подробно спрашивалъ о прочитанномъ. Такимъ образомъ я, и самъ не замѣчая, заохотился къ чтенію и размышленію, такъ что это перешло у меня въ привычку и потребность; и вотъ, благодаря этому я, десятилѣтній мальчикъ, былъ настолько усерденъ къ богослуженію, что крайне досадовалъ, если не разбудятъ меня къ началу всенощной; впрочемъ это случалось очень рѣдко, ибо на меня скоро обыкли смотрѣть какъ на лицо необходимое при службахъ церковныхъ. Конечно юное тѣло и духъ искали иногда отдохновенія и развлеченій, кромѣ книгъ и продолжительныхъ богослуженій; въ особенности въ лѣтній праздничный день, когда сверстники мои забавлялись на улицѣ разными играми, а я, отдежуривши у пчелъ, долженъ былъ, проходя мимо ихъ, являться къ родителю для чтенія вмѣстѣ съ нимъ *правильныхъ каноновъ*, тогда, говорю, доля моя, представлялась мнѣ не очень-то веселою; однако попустить себѣ отступленія отъ принятаго порядка, я уже не могъ, а отсутствіе мое въ это время не могло быть терпимо моимъ отцемъ. Каноны читавшіеся предъ вечернею были слѣдующіе: два акаѳистныхъ Іисусу и Богоматери и малые Богородицѣ *(Воду прошедъ)* и ангелу хранителю,—всего 4. Каноны эти читались каждодневно. У старообрядцевъ было въ обычаѣ вмѣс-

то литургійныхъ сорокоустій коихъ правда, до появленія австрійскаго лжесвященства, и совершать было невозможно, — исправлять сорокоустіе псалтырями, и шестинедѣльныя непрерывныя чтенія псалтыри называются у нихъ неугасимыми, и о, эти неугасимыя! возженіе *неугасающихъ* страстей. Старики-наставники, взявшись исправлять *неугасимую*, находятъ дѣло это для себя какъбы низкимъ и труднымъ, а потому поручаютъ его молодымъ людямъ и мальчикамъ, и вотъ молодые парни и дѣвицы, человѣка по четыре, иногда и болѣе, чередуются чтеніемъ, черезъ три часа, днемъ и ночью. Тутъ-то я узналъ нѣчто такое, чего бы тогда и знать еще не слѣдовало; ибо, эти чтецы и чтицы, передавая чтеніе псалтири другъ другу, допускаютъ, особенно въ ночное время, то, еже *срамно есть и глаголати;*—впрочемъ *да не возглаголютъ усти моя дѣлъ человѣческихъ*. Къ вамъ слово мое, старообрядцы, здѣсь: пора уразумѣть вамъ, что ваши сорокоустія и шестинедѣльныя, а также годовыя *кругныя* стоянія, приносятъ не спасеніе души, а большую тщету и грѣхъ. Много бы, друзья мои, здѣсь сказалъ я вамъ, но вы такъ увѣрены въ мнимой правотѣ своихъ обычаевъ и вѣрованій, что крайне трудно распознавать вамъ, какъ вы ошибаетесь.— Просите усерднѣе Подателя свѣтовъ, да озаритъ душевныя очи ваши и разженетъ глубокій мракъ объемлющій сердца ваши.

Сорокоустія и неугасимыя не давали мнѣ покоя и утомляли до крайности; не только днемъ, но часто и ночью, отстоявши чреду свою, я, какъ мальчикъ забитый непомѣрными строгостями отца своего, не имѣлъ смѣлости жаловаться, но со слезами на глазахъ стоялъ иногда и чужую чреду.

Скорописи родитель мой почему-то не училъ меня, но я, имѣя охоту писать и полагая, что родитель изъ скупости, или экономіи, не даетъ мнѣ марать бумагу, выбиралъ изъ содранныхъ работниками съ полѣнъ для лучины цѣльные листы бересты и, раздѣляя оную на листы подобные бумагѣ, писалъ на нихъ какъ мнѣ хотѣлось, чему не препятствовалъ и отецъ мой; но потомъ уже сталъ давать мнѣ бумаги и уроки въ чистописаніи такъ, какъ умѣлъ самъ. Вообще я доволенъ былъ моимъ единственнымъ учителемъ—отцемъ. Сравнивая мое домашнее обученіе съ обученіемъ въ приходскомъ сельскомъ училищѣ, я находилъ первое несравненно превосходнымъ, и мнѣ думалось: есть ли еще гдѣ подобные мудрецы, какъ нашъ

тятинька (такъ я его звалъ). На обучавшихся въ приходскомъ сельскомъ училищѣ мальчиковъ я смотрѣлъ съ презрѣніемъ и сожалѣніемъ, какъ на губящихъ время, учась по гражданскимъ книжкамъ. Они, думалъ я, будутъ такими, же глупыми, какъ и учители ихъ сельскіе попы-табашники, неумѣющіе перекрестить лица своего и прочитать даже *Святый Боже* правильно. По тогдашнему разумѣнію моему, слѣдовало читать, какъ читаютъ у насъ: Святы*и* Боже, а они читаютъ *Святы Боже, святы крѣпки, святы безсмертны.* Читая одни старо-славянскія книги, тогда не имѣлъ еще я никакого понятія о семинаристахъ. Наши говорили: „учится десять лѣтъ, а толку все нѣтъ; учится лѣтъ двѣнадцать, а научится табакомъ заниматься“.... Вотъ какъ мыслятъ и учатъ мыслить старообрядческіе наставники о наукахъ. Къ гражданскимъ книгамъ отецъ мой не былъ расположенъ, но и не боялся ихъ такъ, какъ боятся, или пренебрегаютъ, прочіе наставники. У него даже нѣсколько было собственныхъ гражданскихъ книгъ, какъ могу припомнить, слѣдующихъ: „судебный обрядникъ, письмовникъ, лечебникъ и краткая грамматика“ Меморскаго; кажется и все. И эти книги были тщательно скрываемы отъ взора постороннихъ, да и мнѣ дозволялось, и то въ видѣ награды, взглянуть иногда только на красивые корешки оныхъ. Грамматика была прислана отцу моему двоюроднымъ братомъ его, прежде помянутымъ уставщикомъ Верхне-Спасопреображенскаго монастыря — Аѳанасіемъ, который ктомуже былъ отцу моему крестнымъ сыномъ, а потому, до самой смерти, питалъ къ нему особенную любовь и уваженіе и велъ постоянную переписку изъ монастыря.

По обращеніи Иргизскихъ монастырей, въ 1834 году, въ единовѣрческіе, Аѳанасій и Максиміліанъ (родной братъ мой), какъ несогласившіеся принять единовѣріе, вынуждены были переѣхать на житье въ Хвалынскъ, гдѣ Аѳанасій и проживалъ до 1849 года въ домѣ вдовы Анны Михайловой Ѳедоровой. Во время появленія австрійскаго лжесвященства, Аѳанасій, какъ поповецъ, съ радостію принявъ оное самъ, писалъ всюду знакомымъ своимъ, а такъже и въ Вятскій нашъ край, въ особенности родителю моему, письма, исполненныя восторга о пріобрѣтеніи старообрядцами епископства (а). Въ 1849 году,

(а) Собраніе этихъ писемъ, хранившееся у меня, къ сожалѣнію, утратилось: во время одного обыска дома нашего полиціею,

Аѳанасій, дотолѣ никуда не выѣзжавшій, рѣшился съѣздить въ Москву, и заѣхавъ къ намъ, пробылъ у насъ недѣли двѣ. Полюбивъ меня за прилежаніе къ чтенію, просилъ родителя, чтобъ отпустилъ меня съ нимъ; но отецъ на это не согласился. Въ Москвѣ познакомившись съ Антоніемъ лжеархіепископомъ Владимірскимъ, Аѳанасій былъ посвященъ имъ въ лжеепископа Саратовскаго. Онъ и основалъ въ Хвалынскѣ главное гнѣздо раскола, извѣстное огромными успѣхами въ совращеніи православныхъ. Окружающіе этотъ городъ во множествѣ фруктовые сады, какъ нельзя лучше, способствуютъ къ свободному проживанію здѣсь тунеядцевъ и бродягъ всякаго рода, переходящихъ изъ державы въ державу. Получивъ епископскій санъ, Аѳанасій уже оставилъ домъ вдовы, и поселился при рѣчкѣ Черемшанѣ въ саду, принадлежащемъ дѣвицѣ Аннѣ Козминой, гдѣ устроилъ со всѣмъ великолѣпіемъ и удобствомъ архіерейскій домъ, съ богатою крестовою и отличными покоями. Во время сужденій объ окружномъ посланіи Аѳанасій былъ сторонникомъ неокружниковъ. Онъ умеръ въ 1865 году, постригшись въ схиму во время уже болѣзни. Замѣчательно, что онъ не приказывалъ по смерти поминать себя епископомъ, а только монахомъ; но несмотря на завѣщаніе его, родственники и всѣ старообрядцы, молятся за него какъ за епископа. Во время продолжительной болѣзни Аѳанасій не пренебрегалъ врачами, вопреки прежнему своему ученію; его постоянно лечили хвалынскіе доктора и прочіе лекаря. Каѳедра его остается, кажется, и теперь праздною и дѣлами этой паствы завѣдываетъ Пафнутій Казанскій, хотя хвалынскіе лжепопы Іосифъ и Іоакимъ на ектеніяхъ молятся о Антоніи Московскомъ. Приготовлялся было къ посвященію во епископа на мѣсто Аѳанасія выѣхавшій изъ Турціи монахъ Славскаго монастыря Серапіонъ, но былъ арестованъ въ садахъ вновь пріѣхавшимъ въ Хвалынскъ чиновникомъ; не знаю, насколько справедливо, но мнѣ сами Хвалынцы разсказывали, что поступокъ этого чиновника крайне не понравился старымъ служакамъ Хвалынска. Впрочемъ теперь Серапіонъ и товарищи его освобождены и наслаждаются всѣми пріятностями жизни независимой. Только одно у него плохо: во время

бывъ предувѣдомленъ, я передалъ ихъ, не упомню кому, для сохраненія и вслѣдствіе обращенія въ единовѣріе не могъ розыскать ихъ.

нахожденія его подъ стражей, хвалынскіе городскіе лжепопы подѣлили между собой приходъ его, состоящій изъ нѣсколькихъ слободъ имъ совращенныхъ въ расколъ, и по высвобожденіи его ни тотъ ни другой не хотятъ ему уступить своей части. Не знаю, подъ какимъ именемъ теперь укрывается Серапіонъ; но въ 1863 году въ бытность мою въ садахъ, онъ имѣлъ паспортъ турецкаго подданнаго; съ такимъ же паспортомъ въ Хвалынскѣ и всѣ его товарищи: лжеіеромонахъ Виссаріонъ, лжемонахи Захарія, Матѳей, Кипріанъ, Лука и другіе. Всѣ они урожденцы русскіе, здѣшніе, ушедшіе за границу разными путями. Нѣкоторые изъ нихъ солдаты, бѣжавшіе изъ полка во время восточной войны,—о чемъ разсказывали они сами, когда я проживалъ съ ними цѣлую недѣлю и писалъ имъ разныя, по ихъ просьбѣ, статейки. Они еще разсказывали, какъ вблизи Тульчи высѣкли товарища своего ремнями, привязавъ къ дереву, за то что онъ высказалъ любовь свою къ русскому государю и Россіи. Это, по словамъ ихъ, было такъ: этотъ несчастный вздумалъ предложить вопросъ: а что, братія, еслибы султанъ и русскій царь оба вмѣстѣ были въ одинаковой смертной опасности, то котораго бы вы бросились спасать? Всѣ отвѣчали: султана; что намъ жалѣть гонителя, т.-е. русскаго императора? Но одинъ изъ нихъ высказался такъ: нѣтъ, братія, я бы не промѣнялъ христіанскаго государя на магометанина. Тотчасъ всѣ набросились съ бранью на приверженца Россіи, называя его неблагодарнымъ къ своему покровителю и проч. Но тотъ стоялъ на своемъ. Почему туркоманы рѣшили наказать его въ примѣръ прочимъ; привязавъ къ дереву, высѣкли самымъ жестокимъ образомъ и тутъ оставивъ его, ушли въ Тульчу, вѣроятно съ цѣлью похвалиться своимъ усердіемъ и преданностью къ чужеземному правительству.—Въ Хвалынскѣ я вызванъ тогда былъ родителемъ по требованію Аѳанасія, которому извѣстно стало, что я намѣренъ обратиться въ единовѣріе. Запасшись отвѣтами и книгами, я легко могъ опровергать всѣ доводы въ пользу австрійскаго священства, но въ жаркіе споры съ приверженцами его не входилъ; ибо по пріѣздѣ моемъ въ Хвалынскъ узналъ, что одинъ монахъ Тарасій, развѣдавшій во всей подробности жизнь и обращеніе въ расколъ митрополита Амвросія, и бывшій даже на мѣстѣ рожденія его въ г. Еносѣ, когда сталъ доказывать, что іерархія эта ложна и основана вопреки церковнымъ правиламъ, то его такъ припугнули

что онъ, оставивъ все свое имущество, убѣжалъ, въ чемъ только былъ, на пароходъ и тѣмъ спасъ жизнь свою. Потому и я, счелъ за лучшее или дать отвѣтъ и предложить вопросъ въ короткихъ словахъ, или по большей части молчать, изъ чего приверженцы австрійскаго священства заключили, что я съ ними соглашаюсь, и допустили меня съ собой, по прежнему, на моленіе. Я тогда убѣдился въ ихъ невѣжествѣ. Самый главный изъ нихъ кандидатъ архіерейства Серапіонъ годенъ только въ причетники, хотя и изо всѣхъ силъ старался показать себя за грамотѣя и знатока священнаго писанія, церковнаго устава и правилъ. Пафнутій, лжеепископъ Казанскій, получилъ епископство по протекціи Аѳанасія слѣдующимъ образомъ: когда Аѳанасій, сдѣлавшись епископомъ, старался утвердить власть свою надъ всѣми раскольниками Саратовской, Самарской и Симбирской губерній, Пафнутій, тогда еще бывшій мѣщаниномъ г. Николаева П. М., подъ каковымъ именемъ и теперь значится въ паспортахъ только уже купцомъ (паспортъ его бывалъ въ моихъ рукахъ, ибо въ разъѣздахъ съ нимъ я представлялъ его паспортъ на почтовыхъ станціяхъ для взиманія подорожной и лошадей), самъ будучи коноводомъ порядочнаго раскольничьяго общества, съ настойчивостью противодѣйствовалъ цѣлямъ Аѳанасія, убѣждая послѣдователей своихъ держаться по прежнему бѣглопоповства. Видя это и справедливо опасаясь подрыва власти своей, Аѳанасій обратилъ на него все свое вниманіе, и заманивъ его къ себѣ, началъ склонять на свою сторону, и на первой же бесѣдѣ обѣщалъ ему архимандритство. Это обѣщаніе кажется имѣло не малое вліяніе на успѣхъ дѣла, ибо П., какъ бы по немногу, началъ уразумѣвать истину, и хотя не вдругъ соединился съ Аѳанасіемъ, но съ этого времени сталъ бывать у него очень часто, потомъ началъ сообщаться съ Аѳанасіемъ и его послѣдователями только въ ястіи, а вскорѣ уже въ моленіи и наконецъ, какъ бы увѣрившись въ истинѣ, совершенно соединился съ ними. Послѣ сего онъ въ короткое время былъ проведенъ по низшимъ степенямъ до архимандрита и порученъ ему въ управленіе находящійся вблизи Уральска—Сыртовскій монастырь. По извержевіи изъ сана извѣстнаго Софронія, Пафнутій вмѣсто его рукоположенъ во епископа Казанскаго. Съ Пафнутіемъ я сдѣлался лично знакомъ слѣдующимъ образомъ: 1858 года въ декабрѣ, по представленію Аѳанасія, Пафнутій былъ командированъ Антоніемъ московскимъ для посвященія въ

Вятскій край достойныхъ людей во священники. Тогда Пафнутій пріѣхалъ въ нашу мѣстность вмѣстѣ съ роднымъ братомъ моимъ, протодіакономъ Аѳанасія, Максиміліаномъ, и остановившись въ домѣ одного изъ купцовъ Телицыныхъ, предложилъ имъ для вида, какъ людямъ богатымъ и гордящимся своимъ значеніемъ, представить кандидатовъ на священство. Достойнѣйшимъ кандидатомъ оказался племянникъ Максиміліана и мой, сынъ прежде помянутаго Даніила Еѳимовича, Маркеллъ Рябовъ. Но посвященіе его было отлагаемо со дня на день купцами Телицынами по слѣдующей причинѣ: церемонію эту хотѣлось имъ видѣть непремѣнно всѣмъ. Но, такъ какъ былъ мясоѣдъ и происходили частыя по обыкновенію пирушки, то какъ ни назначитъ бывало Пафнутій день посвященія, кто-нибудь изъ этой фамиліи окажется или въ гостяхъ, или дома неумѣренно выпившимъ, или же въ сильномъ похмѣльѣ, такъ что Пафнутій, наскучивъ назначать дни посвященія, рѣшился было посвятить Маркелла тайно отъ нихъ въ другой деревнѣ, называемой Орѣхи. Для чего забравъ походную церковь и прочія принадлежности, мы съ братомъ Максиміліаномъ и ставленникомъ, по приказанію Пафнутія, устроили все къ служенію. Провѣдавъ объ этомъ, Телицыны вздумали пугнуть насъ становымъ приставомъ, и это имъ удалось. Мы испугавшись тотчасъ же собрали походную церковь. Я съ братомъ и ставленникомъ отправился домой, а епископъ Пафнутій поѣхалъ съ однимъ мужикомъ въ ближайшую деревню, окольною дорогою. По пріѣздѣ его въ эту деревню, какъ нарочно на его бѣду, въ то же время пріѣхалъ туда полицейскій сотскій; хозяинъ дома, гдѣ остановился Пафнутій, полагая, что сотскій нарочно ѣдетъ по слѣдамъ его, испугавшись поспѣшилъ посадить Пафнутія на подволоку холоднаго амбара за груду сухихъ вѣниковъ. Это случилось въ послѣдніе дни масляницы, и сотскій, окончивъ свое дѣло, не спѣшилъ уѣзжать, а расположился погостить, почему и привелось нашему владыкѣ долго пробыть на подволокѣ амбара въ трескучій морозъ. Это приключеніе вывело изъ терпѣнія Пафнутія, такъ что онъ рѣшился уже оставить совершенно Телицыныхъ, и взявши ставленника, походную церковь и всю церковную принадлежность, со мной и братомъ Максиміліаномъ отправился въ отдаленную, находящуюся въ лѣсу, деревню, называемою Шмыки, въ домъ проживающаго тутъ раскольническаго наставника Льва Спиридонова. Прибывъ сюда, мы тотчасъ же приступили къ

дѣлу, т.-е. разставили походную церковь, устроили престолъ и жертвенникъ. Но къ несчастію нашему во всей этой деревнѣ не только не оказалось капли церковнаго вина, но и фунта крупчатки для просфоръ. Что же дѣлать? и вотъ мы съ братомъ Максимиліаномъ принялись хлопотать объ отысканіи матеріаловъ для просфоръ и вина. На просфоры отыскалось гдѣ-то черной пшеничной, домашней муки, и довольно. Печать для просфоръ тотчасъ же вырѣзали, только не на камнѣ или стали, а изъ рѣдьки. Но вино?.... Одно неудобство устранили, передъ другимъ не останавливаться стать, и вотъ вино мы рѣшили сочинить изъ сушеныхъ малиновыхъ лепешекъ; испросивъ на это разрѣшенія владыки своего, обварили эти лепешки кипяткомъ и давъ отстояться слили, и вотъ мы и съ виномъ. Началось архіерейское служеніе: на Пафнутія возложили мы съ братомъ (ибо кромѣ насъ и ставленника никого не было) съ торжественностію архіерейскія облаченія; только, нужно замѣтить, вмѣсто саккоса, какъ и всегда у старообрядцевъ, была риза изъ крестовой матеріи. За первой службой ставленникъ доведенъ былъ до степени діакона, за второй посвященъ во священника. По посвященіи ставленника въ свѣщеносца, нашъ епископъ, сдѣлавъ на головѣ его крестообразное постриженіе, передалъ ножницы протодіакону, который и выстригъ на верхушкѣ его круглое гуменцо. Австрійскіе лжеепископы ставленной грамоты не выдаютъ тотчасъ по посвященіи, а послѣ, спустя иногда и нѣсколько лѣтъ, какъбы вмѣсто награды.—Пафнутій, какъ могъ я замѣчать во время разъѣздовъ моихъ съ нимъ и служенія, менѣе другихъ привязанъ къ буквѣ и на многое имѣетъ довольно свѣтлый взглядъ. Въ числѣ находившихся при немъ тетрадокъ и книгъ, я имѣлъ возможность прочитать много интереснаго: объ организаціи австрійской лжеіерархіи, о раздорахъ между лжеіерархами и проч. и проч. Главное вниманіе Пафнутія тогда сосредоточено было на извѣстной книгѣ: „Побѣдная повѣсть“ Юнга Штиллинга. Книгу эту онъ читалъ съ напряженнымъ вниманіемъ и всю испестрилъ своими замѣтками, поясненіями и толкованіями. Грамматики Пафнутій вовсе не знаетъ,—въ письмахъ и другихъ сочиненіяхъ его на каждой страницѣ встрѣчаются грубыя грамматическія ошибки; но есть у него природная способность излагать мысли довольно ясно и толково, не въ примѣръ прочимъ расколоучителямъ. Кстати разскажу о другомъ раскольническомъ архіереѣ Виталіѣ. Онъ былъ первый изъ австрійскихъ епископовъ, посѣ-

тившихъ нашъ край. Въ 1851 году онъ пріѣхалъ въ домъ Телицыныхъ такъ тайно, что кромѣ ихъ, нашего семейства и еще нѣкоторыхъ избранныхъ, никто этого долгое время и знать не могъ. Когда мнѣ было сказано родительницей, что пріѣхалъ старообрядскій священникъ, на меня это извѣстіе такъ подѣйствовало, что я весь трепеталъ отъ радости и съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты, когда удостоюсь видѣть этого пастыря, поелику со времени крещенія моего не доводилось мнѣ видѣть своихъ поповъ. Виталій по прибытіи въ домъ Телицыныхъ вскорѣ познакомился съ отцемъ моимъ и всѣмъ нашимъ семействомъ, потому что родитель мой настоятельствовалъ тогда въ находящейся при домѣ Телицыныхъ моленной. Въ первый пріѣздъ свой Виталій не объявлялъ своего епископскаго сана, но называя себя священникомъ, дѣйствовалъ какъ священникъ. Такъ какъ передъ этимъ временемъ никто изъ бѣглыхъ поповъ около десяти лѣтъ не пріѣзжалъ въ нашъ Вятскій край, то въ 10-ти тысячномъ обществѣ естественно накопилось множество дѣла, и каждый желалъ исправить духовныя нужды свои, во что бы то ни стало. Видя это, Виталій не упустилъ воспользоваться случаемъ къ поживѣ, и установивъ для всѣхъ требъ цѣну, сталъ принимать только тѣхъ, кто былъ въ состояніи заплатить положенное; такъ за крещеніе младенца и возрастнаго была положена цѣна 1 р. 50 к. серебромъ, за исповѣдь отъ 30-ти до 50 к., за исправу, т. е. отреченіе отъ ересей, тоже что и за крещеніе. Мѵро, вѣроятно, тогда еще не было состряпано въ Бѣлокриницѣ, или Виталій не имѣлъ возможности запастись имъ, ибо употреблялъ при крещеніи, оставшееся у насъ отъ бѣглыхъ поповъ и хранившееся съ прочею утварью въ одномъ изъ двухъ пузырьковъ, что-то въ родѣ киселя,—въ немъ не только не было запаха свойственнаго св. мѵру, но напротивъ при вскрытіи пузырька обоняніе поражалось какою-то тяжелою затхлостію. Пузырьки эти были совершенно одинаковы; и навязанныя на горлышкахъ ихъ бумажки,—вѣроятно свидѣтельствовавшія, во свое время, о хранимомъ въ нихъ—оборвались, такъ что не было никакой возможности опредѣлить, которая изъ мазей этихъ пользовалась названіемъ мѵра. Виталій предоставилъ право это той изъ нихъ, которая была погуще; для чего привязалъ снова бумажку съ словами: *св. мѵро.* Браковъ, въ первый пріѣздъ свой, онъ не вѣнчалъ, ибо называлъ себя іеромонахомъ. Съ этимъ Виталіемъ я началъ свое служеніе бывши 15-ти лѣтъ отъ ро-

жденія. Я разъѣзжалъ съ нимъ по всему обществу старообрядцевъ, считающихся прихожанами Наймушинской часовни въ 3-хъ уѣздахъ—Глазовскомъ, Нолинскомъ и Малмыжскомъ. Несмотря на неумѣренную таксу, дѣла было такъ много, что буквально не давали намъ покоя ни днемъ ни ночью. Крестили человѣкъ по 80-ти въ сутки и болѣе. Дѣло это дѣлалось такъ: желающій креститься, или крестить кого, подходитъ къ столу, гдѣ засѣдаетъ дьячекъ, и выкладываетъ деньги; дьячекъ записываетъ имя крещаемаго, его матери и бабы, хотя бы онѣ давно померли. Записываемы были по возможности всѣ,— а если много крещаемыхъ, то не болѣе сорока человѣкъ. Потомъ Виталій приказывалъ снять обувь, крестъ, поясъ,—а мущинамъ и исподнее бѣлье, требовалъ отъ каждаго синдонъ—конецъ холста, отъ двухъ до четырехъ аршинъ; связывалъ холстъ узломъ и складывалъ въ передній уголъ. между тѣмъ поставленный на извѣстныхъ пунктахъ караулъ наблюдалъ, нѣтъ ли какого движенія со стороны полиціи, и въ случаѣ какой опасности долженъ былъ немедленно дать знать ближайшему караулу, а самъ оставаться на своемъ мѣстѣ, чтобъ не указать, гдѣ находится собраніе. Ризъ и прочей утвари мы съ собой никогда не возили, а перевозилось это или ранѣе, или по отъѣздѣ нашемъ. Паспортъ у Виталія былъ какого-то отставнаго мастероваго Ижевскаго оружейнаго завода. Легко было дѣйствовать, гдѣ успѣвали полицію *задобрить*, но крайне тяжело и опасно, гдѣ еще не было сдѣлано съ ней настоящаго *договора:* въ первомъ случаѣ она была наша охранительница, въ послѣднемъ—непримиримый непріятель. Крещальныя молитвы читались для всѣхъ однѣ, также и вода освящалась однажды; но освященной воды отдѣлялась часть потребная для приливанія къ водѣ не освященной, которая мѣнялась по выходѣ каждаго изъ купели. Хотя прежде погруженные наставникомъ или бабою и не погружались, но все-таки становились въ купель,—при чемъ попъ произносилъ, налагая на голову каждаго изъ нихъ руку, слова: „Благословенъ Богъ просвѣщаяй и освѣщаяй всякаго человѣка приходящяго въ міръ“, и тотчасъ же передавалъ воспріемнику стоящему съ синдономъ на шеѣ. Трудъ былъ огромный; за то и деньги лились рѣкой. Часто являлись старики и старухи, не зная сами что имъ нужно, и иногда трудно было догадаться, какъ съ ними поступить, ибо они на всё согласны, хоть креститься, хоть исповѣдаться или ереси проклясть; а потому необходимость за-

стала расспрашивать ихъ подробно объ ихъ предшествовавшей жизни и тогда уже можно было узнать, что съ ними сдѣлать. Виталій былъ строже всѣхъ австрійскихъ извѣстныхъ мнѣ архіереевъ, и до того преданъ буквѣ, что всѣхъ исповѣдавшихся ему облагалъ тягчайшими епитиміями,—исправить которыя никто не былъ въ состояніи: такъ за повѣнчаніе въ православной церкви онъ, по исполненіи присоединенія 3-мъ чиномъ, налагалъ непремѣнно годичную епитимію—1000 земныхъ поклоновъ на день, предписывая употреблять постную пищу, а въ среды и пятки сухоядѣніе однажды въ день. Впрочемъ, въ послѣдній пріѣздъ свой, объявивши себя не только епископомъ, но и митрополитомъ, Виталій постановилъ снимать эти епитиміи съ тѣхъ, которые пожелаютъ снова отъ него быть повѣнчанными. Онъ разсуждалъ: что тамъ за таинства, гдѣ нѣтъ благодати Св. Духа? Случалось при этомъ, что вмѣстѣ съ сыновьями вѣнчались ихъ отцы и матери, и это возбуждало смѣхъ не только въ посторонникъ зрителяхъ, но и въ самихъ брачущихся, и не мало было высказываемо по этому случаю шутокъ и остротъ. Степени родства Виталій разбирать вовсе не умѣлъ, предоставляя это мудреное дѣло сестрѣ купца Телицына, лжесхимонахинѣ Варсонофіи. Вотъ тутъ-то можно было наслушаться, какъ раскольники перекраиваютъ правила отеческія на свой ладъ; никто противорѣчить и замѣчать ей отнюдь не смѣлъ,—она выдавала себя за святую и пророчицу, и часто разсказывала и толковала народу, когда и какія ей являлись знаменія и видѣнія; а потому всѣ рѣшенія ея безпрекословно приводились въ исполненіе. Митрополитство Виталій получилъ слѣдующимъ образомъ: извѣстный Софроній, лжеепископъ казанскій, вознамѣрившись отдѣлиться отъ Бѣлокриницкой митрополіи и стать во главѣ совершенно независимой отъ ней іерархіи, пригласивъ Виталія и уральскаго лжеепископа Израиля, предложилъ имъ сдѣлать избраніе митрополита чрезъ посредство жеребья; но жребій митрополичій достался Виталію. Недовольствуясь этимъ избраніемъ, Софроній чрезъ нѣсколько времени вздумалъ сдѣлать избраніе на патріарха; но, къ величайшему его огорченію, и патріаршій жребій достался не ему, а Израилю. Израиль впрочемъ отъ этого титула вскорѣ отказался. Дальнѣйшее о Виталіи и Софроніи уже извѣстно изъ журналовъ.

1853 года, въ Великомъ постѣ, отецъ мой изъявилъ желаніе принять постриженіе въ монашество, и былъ постри-

женъ, съ именемъ Ефрема, Виталіемъ, который и принялъ его себѣ въ евангельскаго сына. Съ этого времени любовь Виталія къ семейству нашему сдѣлалась безграничною, и онъ относился къ намъ не иначе какъ родной отецъ къ дѣтямъ; равно и мы къ нему имѣли любовь и привязанность такую, какой не могли ни къ кому другому имѣть. Сдѣлавшись монахомъ, отецъ мой строго исполнялъ обѣты свои, не заботился о женѣ и дѣтяхъ, отъ которыхъ онъ отрекся; а потому вся тягость управленія домовняго, попеченія о хозяйствѣ и семействѣ легли на меня одного, и о, сколько я перенесъ скорбей и горя, доводившихъ иногда меня до отчанія! Хотя по временамъ родитель и жилъ съ нами, но онъ былъ для насъ какъбы чужой. Въ одно такое время случилось памятное обстоятельство: проживая въ своемъ домѣ въ особой комнаткѣ, отецъ мой упражнялся въ непрестанной молитвѣ, весьма мало давая себѣ отдыха; въ это время пріѣхалъ въ домъ Телицыныхъ губернаторскій чиновникъ Салтыковъ, и обыскавъ домъ ихъ, въ то же время приказалъ становому приставу обыскать домы нашъ и брата лжеепископа Аѳанасія, Аксена Абрамова; кончивъ обыскъ, становой приставъ и бывшій съ нимъ депутатъ съ духовной стороны, священникъ села Порѣзскаго, о. Василій Леонтіевъ, позвали отца моего къ себѣ въ квартиру; часа черезъ три, по уходѣ его, потребованъ былъ туда же я и все наше семейство, состоявшее изъ родительницы и трехъ сестръ. Становой показалъ лежавшую на столѣ собственноручную подписку родителя на принятіе православія и предложилъ мнѣ сдѣлать тоже. Взглянувъ на бумагу и увидавъ почеркъ руки отца моего, я не вѣрилъ глазамъ своимъ; ибо могъ ли я думать, чтобъ онъ когда-нибудь согласился измѣнить столь строго содержимой имъ своей вѣрѣ, а потому на всѣ вопросы становаго пристава молчалъ и лишь испытующимъ взоромъ смотрѣлъ на стоявшаго тутъ же отца моего. Видя это, приставъ попросилъ родителя выйти со мной для переговоровъ въ особую комнату; здѣсь съ сердечною болью и отчаяніемъ я, выслушавъ отъ него совѣтъ послѣдовать его примѣру, отвѣчалъ: „подписаться значитъ быть отступникомъ, бросить свою св. вѣру и принять чужую“! На это родитель сказалъ, что священникъ не запретитъ намъ употреблять свои обряды и проч., и еще говорилъ: „если ты не обратишься, то тебя отдадутъ въ военную службу, или сошлютъ за Кавказъ“. Но тогда все это для меня ничего не значило

и я, воспламенившись ревностію по мнимо-истинной вѣрѣ своей, говорилъ, что согласенъ хоть сейчасъ же слѣдовать въ ссылку, или куда угодно, и проливалъ горячія слезы о внезапной перемѣнѣ отца моего. Отецъ вышелъ со мной къ становому, сказавъ: „какъ хотите съ вимъ вы, а меня не слушаетъ“. Послѣ этого позвано было и все наше семейство, и когда родитель объявилъ, что присоединяется къ православной церкви и совѣтуетъ то же сдѣлать и намъ, то всѣми нами поднятъ былъ такой плачъ и вой, что становой приставъ распорядился отправить насъ поскорѣй домой, оставивъ родителя для привода къ присягѣ. Слезы эти и вой продолжались не одинъ день и возобновлялись каждый разъ при старообрядцахъ, приходившихъ и пріѣзжавшихъ въ домъ нашъ узнать о случившемся.

По приходѣ родителя домой, когда онъ намѣревался исправить вечернее правило, родительница и старшая сестра моя не дозволили ему молиться въ той комнатѣ, гдѣ онъ прежде молился, а указали мѣсто въ избномъ чуланѣ подъ полатями у дверей, ведущихъ въ подполье. И онъ этому распоряженію безпрекословно подчинился, — устроивъ тутъ для иконъ полочку, исправлялъ свое правило. На другой день пріѣхалъ въ домъ нашъ о. Василій Леонтьевъ для свиданія и бесѣды съ родителемъ моимъ и увѣщанія нашего семейства; родитель, встрѣтивъ священника должвымъ образомъ, принялъ отъ него благословеніе. Когда на приглашеніе священника пріѣзжать къ церкви онъ изъявилъ согласіе, то семействомъ нашимъ былъ поднятъ страшный крикъ и шумъ; на священника и церковь православную посыпались разныя хулы и ругательства; но о. Василій на все это только сказалъ: „Я увѣренъ, что когда-нибудь благодать Божія озаритъ это семейство“, — и тотчасъ вышелъ изъ дому. Это предсказаніе старца-священника сбылось, ибо, по милости Божіей, теперь все семейство наше обратилось ко св. церкви.

Послѣ этого происшествія во всемъ нашемъ старообрядческомъ обществѣ пошла молва, что отецъ Ефремій сошелъ съ ума, и кажется, нѣкоторые этому вѣрили не шутя, ибо судя по строгости его характера, никто не могъ объяснить себѣ поступка его иначе какъ сумасшествіемъ. Но я скажу, какъ предъ Богомъ, что не было въ умѣ его и тѣни какого-либо разстройства. Скорую перемѣну убѣжденій его можно объяснить тѣмъ, что онъ въ послѣднее время не отрицалъ совершенно благодати въ церкви пра-

вославной, а только находилъ ее сильно поврежденною мнимыми нововведеніями, и потому признавалъ возможнымъ устроять спасеніе свое, исполняя свои обряды и вмѣстѣ съ тѣмъ не отдѣляясь отъ той церкви, которая снабдѣваетъ и старообрядцевъ благодатію священства. Но къ сожалѣнію отецъ мой не долго оставался сыномъ церкви. Онъ не могъ устоять противъ искушенія, выслушивая повседневныя укоризны и всякаго рода ругательства на принятую имъ вѣру и церковь не только отъ своего семейства и родныхъ, но и отъ постороннихъ посѣтителей, и это продолжалось дотолѣ, пока не удалось его отправить для *исправы* въ Казань къ находившемуся тутъ австрійскаго поставленія лжепопу Трофиму Щедрину. Виталій въ это время жилъ уже въ своей родинѣ въ Богурусланскомъ уѣздѣ и послѣ къ намъ не возвращался. Я думаю, что еслибъ родитель былъ въ это время окруженъ людьми православными, или могъ имѣть къ нему доступъ священникъ, то легко бы онъ примирилъ совѣсть свою съ воображаемыми нововводствами церковными. Но попытки священника посѣщать его не имѣли успѣха, ибо послѣ перваго пріѣзда его, дверь дома нашего для него была всегда заперта. Вскорѣ послѣ *исправы*, по желанію всего нашего общества, родитель отправленъ въ Хвалынскъ къ двоюродному брату своему и крестнику, преждепомянутому лжеепископу Аѳанасію, который и далъ ему скитъ вблизи архіерейскаго дома, при рѣчкѣ Черемшанѣ, вмѣстѣ съ преждепомянутыми выходцами изъ-за границы Серапіономъ и прочими. Въ этомъ скитѣ родитель и кончилъ дни свои 1863 г., на 8-е сентября, принявъ передъ смертію схиму.

Обстоятельство присоединенія родителя къ православію и незадолго передъ этимъ высказанныя имъ въ бесѣдѣ со мною о православномъ священствѣ слова заронили въ душу мою мысль ознакомиться съ православіемъ. Однажды разговаривая съ родителемъ, я предложилъ ему тревожившій меня долгое время вопросъ о несообразности принятія священства отъ церкви еретичествующей, въ коей не признавалъ я ничего освящающаго. На это онъ отвѣчалъ такъ: „хотя церковь великороссійская и дѣйствительно уклонилась во многія нововводства и слабости, но такъ какъ она несуждена была вселенскимъ соборомъ и благодатное рукоположеніе въ ней тянется отъ Христа непрерывно, то и можно отъ нея заимствовать священство. Даже и великороссійскихъ священниковъ молит-

вы Богъ слушаетъ: бывало, въ засуху, попросишь на поле попа съ иконами, и непремѣнно Богъ дастъ дождя.“ Я положилъ выслушивать все, что будутъ говорить о старообрядчествѣ православные священники, и читать писанное противъ старообрядчества для того, чтобъ, узнавъ ближе воображаемыя неправды великороссійской церкви, успокоить тѣмъ нѣсколько возмутившуюся совѣсть. Ибо я былъ твердо увѣренъ, что основанія наши крѣпки и не могутъ ихъ опровергнуть вымыслы новыхъ учителей. Случаи стали представляться скоро. При Наймушинской часовнѣ въ квартирѣ сельскаго писаря увидалъ я книжку „о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ“ (первыхъ изданій, а не нынѣшнюю), которую и взялъ для прочтенія. Читая въ первый разъ помянутую книгу, я на каждомъ листѣ находилъ несообразности и натяжки, а потому вознамѣрился обличить и опровергнуть. Приготовляясь къ сему, я началъ перечитывать эту книгу во второй разъ съ болѣе покойнымъ духомъ и съ меньшимъ предубѣжденіемъ, и что же? сталъ находить въ ней меньше вымысловъ, а больше правды; почему, во избѣжаніе соблазна, поспѣшилъ возвратить книжку владѣльцу и старался успокоить себя тѣмъ, что это писано мудрецами *міра сего*, способными прельщать словомъ своимъ благочестивыя души, какъ древній змій праматерь Еву, и что кажущаяся правдоподобность есть сѣть тогоже искусителя рода человѣческаго. Притомъ представлялось мнѣ, что я тяжко согрѣшилъ, прочитавъ еретическую книгу и этимъ допустивъ какъбы сомнѣніе въ истинной своей вѣрѣ, за что, думалъ, подлежу гнѣву Божію и долженъ понесть наказаніе; укоряя себя, я разсуждалъ: отцы церкви говорятъ: *еретическихъ книгъ не прочитати и ученію ихъ не внимати*, а я что сдѣлалъ? Съ этого времени я было рѣшилъ ничего не читать напечатаннаго противъ раскола и не вступать въ словопреніе съ православными, боясь утвердиться въ запавшихъ въ душу мою сомнѣніяхъ, и очень желалъ забыть прочитанное; но мѣста, которыя я старался забыть, тверже впечатлѣвались въ памяти моей. Спустя не малое послѣ сего время, я случайно увидалъ у одного старообрядца книгу „Розыскъ“ св. Димитрія, данную ему священникомъ. Спросивъ мнѣнія его о сей книгѣ и получивъ въ отвѣтъ, что все въ ней ложь, я заохотился прочитать ее,—опять для того, чтобы знать, какія противъ насъ придумываются неправды, и чтобы въ послѣдствіи поставлять это въ укоризну православнымъ.

Чтеніе этой книги произвело во мнѣ раздраженіе и большое ожесточеніе противъ православія; ибо въ ней многое говорится слишкомъ жестоко и описываются секты и обычаи вовсе незнакомыя нашей поповщинѣ; я радъ былъ думать, что все это явная клевета, и утверждался во мнѣніи, что таковы же и прочія направленныя на насъ сочиненія. Съ этимъ предубѣжденіемъ я началъ снова читать все писанное противъ раскола, съ цѣлью извлекать для себя и своихъ единовѣрцевъ пользу опроверженіемъ тѣхъ сочиненій. Наслышавшись *о Пращицѣ* преосвященнаго Питирима, я досталъ ее для чтенія. Тщательно скрывая эту книгу отъ своихъ собратій, я изо всѣхъ силъ старался найти въ ней какъ можно больше противорѣчій и изучивъ ихъ, разомъ объявить несостоятельность сужденій и этой книги; но сколько я ни усиливался отыскивать противорѣчія и опровергать ясные доводы вышедшаго изъ среды нашей братіи святителя, однако всѣ мои усилія передъ судомъ моего же разума казались очень слабыми и я крайне досадовалъ на епископа Питирима, какъ на измѣнника и врага своей вѣрѣ. Перечитывая въ его книгѣ вопросы раскольниковъ и отвѣты по нѣскольку разъ, я, самъ не замѣчая, постепенно примирялся съ сочинителемъ отвѣтовъ, а вопрошатели стали мнѣ казаться то придирчивыми, то мало понимающими, каковыми они и были на самомъ дѣлѣ. И наконецъ я сталъ къ Пращицѣ относиться уже не столь враждебно, хотя и не въ силахъ былъ побѣдить предубѣжденія свои; чтеніе этой книги изъ фанатика раскольника сдѣлало меня болѣе умѣреннымъ и поселило во мнѣ убѣжденіе по крайней мѣрѣ такое: что не все у насъ чистая правда и не все у православныхъ не правильно и богопротивно, какъ думалъ я дотолѣ.

(Окончаніе будетъ.)

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

АВГУСТЪ. **1870.**

ПАМЯТНЫЯ ЗАПИСКИ СВЯЩЕННИКА КИРИЛЛА РЯБОВА [а].

Въ январѣ 1858 года, по усиленному настоянію родительницы, желавшей видѣть меня женатымъ, я поѣхалъ съ избранною дѣвицею, Екатериною, для совершенія брака въ Казань, къ преждепомянутому лжепопу Трофиму Щедрину, потому что въ то время въ нашемъ мѣстѣ попа не было, а исправляли всѣ нужды архіереи во времена пріѣздовъ своихъ. Пріѣхавъ въ Казань и остановившись въ номерахъ, я обратился къ извѣстнымъ содержателямъ поповъ и архіереевъ братьямъ Карповымъ, какъ прежде мнѣ знакомымъ, съ просьбою, чтобъ указали мнѣ своего священника; взявъ отъ нихъ служанку для указанія квартиры, гдѣ совершались требы, ибо Щедринъ въ своемъ домѣ священнодѣйствовать опасался, — я въ ночное время отправился со своею невѣстою въ захолустье, въ самую безлюдную улицу, гдѣ въ тѣсной келійкѣ уже ожидалъ насъ о. Трофимъ и седмь паръ пріѣхавшихъ для вѣнчанія изъ разныхъ мѣстъ. Всѣ восемь паръ по тѣснотѣ комнаты установлены были въ два ряда; для каждой пары по обыкновенію поставленъ былъ особый стаканъ съ виномъ. Щедринъ, ругая старухъ, владѣлицъ кельи, за какія-то неисправности, возложилъ на себя епитрахиль и началъ вѣнчаніе всѣхъ за одними молитвами, предварительно возложивъ на головы брачущихся вмѣсто вѣнцевъ мѣдныя иконы.

Въ 1861 году, для сокрытія отъ православныхъ разъѣздовъ моихъ съ духовенствомъ австрійскимъ и ча-

(а) Окончаніе. Начало см. въ іюльской книжкѣ.

сныхъ, иногда на продолжительное время, отлучекъ — я открылъ при домѣ своемъ фруктовое заведеніе и пряничную мастерскую, поручивъ главное управленіе оныхъ своему зятю. Въ доказательство же того, что разъѣзды мои дѣлаются по дѣламъ торговли,—въ свободное время, по окончаніи службы, старался выѣзжать на базары и ярмарки, гдѣ каждый могъ меня видѣть торгующимъ, а главное, могли видѣть меня самые враги наши — православные священники, съ коими неизбѣжно долженъ былъ знакомиться, хотя внутренно и былъ имъ врагъ и ненавидѣлъ все нестарообрядческое. Зная о мнѣ по слуху, какъ о человѣкѣ начитанномъ и не по лѣтамъ пользующемся въ старообрядчествѣ значеніемъ и почетомъ, православные священники не упускали случая заводить со мной бесѣды о вѣрѣ; въ этихъ бесѣдахъ не рѣдко,—пользуясь малымъ знакомствомъ нѣкоторыхъ священниковъ съ расколомъ и его исторіею, я оставался побѣдителемъ. Въ одно время, по дѣлу торговли довелось мнѣ зайти къ священнику села Порѣзскаго о. Василью Сырневу; онъ, усадивъ меня и начавъ съ постороннихъ предметовъ, незамѣтно приблизился къ спорнымъ религіознымъ пунктамъ; я вступилъ охотно съ нимъ въ преніе, съ надеждою, что выйду изъ спора, какъ случалось прежде, побѣдоносно. Но вопреки моему ожиданію, на первыхъ же порахъ споръ этотъ оказался для меня труднымъ. Короткое знакомство этого пастыря съ исторіею и самымъ бытомъ, а также и увертками—раскола, главное же, строгая послѣдовательность его въ разсужденіяхъ—не давали мнѣ возможности съ обычною поспѣшностію дѣлать опроверженія и приводить въ свою пользу оправданія, что не мало меня удивило, и я крайне досадовалъ на священника за его умѣнье вести бесѣду. Мнѣ казалось, что мнѣ для такихъ бесѣдъ недоставало одной научной изворотливости и *мудрости міра сего*, и я возымѣлъ намѣреніе какъ можно болѣе усовершенствовать себя въ этомъ отношеніи, чтобъ не быть побѣждаемымъ, и продолжалъ сношенія съ о. Василіемъ. Въ слѣдующій пріѣздъ мой въ его село, кончивши дѣла свои, я поспѣшилъ зайти къ о. Василію и по нѣкоторой бесѣдѣ попросилъ его одолжить меня книгами, направленными противъ старообрядчества, что онъ тотчасъ же съ радостію и исполнилъ, давъ мнѣ книгу „Истинно-древняя и истинно православная Христова Церковь.“ Каково было мое удивленіе, когда я, раскрывъ книгу и взглянувъ на оглавленіе, нашелъ тутъ указаніе на все,

чѣмъ блазнился и что находилъ неправаго въ церкви православной! Всѣ обвиненія наши тутъ на лицо. Пріѣхавъ домой, я съ восторгомъ принялся читать эту книгу, не давая себѣ отдыха, и желая какъ можно скорѣй узнать, что найдено противъ обвиненій нашихъ, казавшихся мнѣ такъ ясными и неопровержимыми. Крайне удивляло меня то, что въ ней приведены мѣста изъ такихъ книгъ, которыя, я полагалъ, никто изъ православныхъ пастырей и не видалъ; ибо издѣтства мнѣ натолковано было, что никоніане всѣ древнія книги, гдѣ бы ни нашли, отбираютъ и жгутъ, и бывало, воспламенясь ревностію о истинной вѣрѣ и древностяхъ истребляемыхъ нововводителями, начнешь клясть всѣхъ никоніанъ, а болѣе духовенство, какъ только вздумается. Чтеніе книги „Истинно древняя..... Хр. Церковь“ произвело во мнѣ какое-то смятеніе чувства, и я долго не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что во мнѣ происходило: доводы такъ ясны, свидѣтельства почти всѣ приведены изъ уважаемыхъ нами книгъ и по справкѣ оказались точными; но какъ же это такъ, думалъ я: вѣдь книги, которыми оправдываютъ себя никоніане, наши, и нѣтъ сомнѣнія, что онѣ православны. Вотъ никоніане ухитрились какъ, что нашимъ оружіемъ хотятъ насъ побороть! Непонятно! Но вѣдь на дѣлѣ-то выходитъ такъ, что они остаются правыми. Что же дѣлать? Опять перечитывать книгу преосв. Григорія. Не одинъ и не два раза прочиталъ я эту книгу и въ концѣ концевъ оказалось, что я остался какъ-бы на льдинѣ, отставшей отъ берега, не видя ни отколѣ спасенія, — отъ чего получилъ сильную душевную скорбь. О, тяжки эти боренія душевныя! И понять цѣну ихъ можетъ только тотъ, кто на себѣ испытывалъ ихъ. Что было несомнѣнно истинно, свято, драгоцѣнно душѣ и сердцу, вдругъ оказывается сомнительнымъ и неправильнымъ; но съ другой стороны не мало было препятствій примириться съ церковію. Читая сочиненія православныхъ пастырей и видя, что все написано такъ умно, такъ основательно, что не остается ничего сказать въ свое оправданіе, начинаешь какъ бы примиряться съ ними и осуждать свое отступство. Но зашедши въ сельскій православный храмъ и простоявъ какую-нибудь службу, вмѣсто желанія сближенія, вынесешь соблазнъ и совершенно разстроишься. Ибо сравнивая Богослуженіе свое съ спѣшнымъ сельскимъ, находишь въ своемъ превосходство. Чиннаго и благолѣпнаго архіерейскаго служенія я тогда еще

не видалъ. Первое архіерейское служеніе увидалъ я въ Нижегородскомъ ярмарочномъ соборѣ, въ августѣ мѣсяцѣ, въ день памяти святителя Иннокентія Иркутскаго. Строгосвятолѣпное служеніе преосвященнѣйшаго Нектарія произвело на меня благопріятное впечатлѣніе, и я получилъ душевную отраду. Въ сельскихъ же храмахъ, скажу со скорбію, старообрядецъ, по преимуществу христіанинъ обрядовый, мало увидитъ похожаго на свое Богослуженіе; ибо не только прихожане, но и сами священнослужащіе какъ бы не заботятся о порядкѣ и благочиніи церковномъ: крестное знаменіе почти никто не изображаетъ такъ, какъ бы желалось старообрядцу и, прибавлю, какъ бы слѣдовало, а дѣлаютъ иногда только надъ грудью какое-то рукой покачиваніе; поклоны также творятся, какъ намъ кажется, съ свѣтскою небрежностію, и кто когда вздумаетъ; кажденіе, пѣніе и чтеніе—все спѣшное; каноны утренніе не читаются; каѳисмы, если гдѣ и доводилось слышать, читались съ пропусками. Бывало, слыша такое чтеніе, думаешь: ахъ вы кощунники! какъ вамъ Богъ терпитъ! Но паче всего непріятно дѣйствуетъ на старообрядца то, когда доводится видѣть самихъ священнослужащихъ подчующихся табакомъ, и это иногда въ самомъ алтарѣ. Многіе изъ неприкосновенныхъ къ подобнымъ слабостямъ имѣютъ обыкновеніе оправдывать ихъ разными объясненіями; но, нѣтъ, не оправдывать слѣдуетъ все это, а порицать и по мѣрѣ возможности искоренять. И кажется, въ духовенствѣ это сдѣлать возможно, только слѣдовало бы, *кому слѣдуетъ*, обратить на это серіозное вниманіе; а стоитъ, — изъ-за этой, по преимуществу, небрежности гибнуть тысячи душъ. Сколько бы пастырь ни былъ ученъ, мудръ и строгъ къ самому себѣ и сколько бы ни расположилъ къ себѣ старообрядца; но достаточно ему только вынуть табакерку, и всѣ его труды безъ возврату пропали: старообрядецъ слушать его болѣе не будетъ. Это я очень хорошо знаю. Но довольно. И да простятъ мнѣ читатели уклоненіе отъ разсказа въ сужденія, быть можетъ, превышающія мою мѣру. И такъ находясь въ такомъ, какъ я говорилъ, двусмысленномъ положеніи, я иногда усердно молилъ Господа исцѣлить уязвленный духъ мой и сердце и избавить отъ невыносимаго совѣстнаго мученія.

Въ этой нерѣшительности пробылъ я еще не малое время, развлекаемый службами съ австрійскимъ духовенствомъ. Въ строгости уставовъ своихъ при служеніяхъ

и требахъ я находилъ какъ бы успокоеніе, разсуждая про себя: возможно ли, чтобъ такое чинное служеніе было непріятно Богу? Однако это было лишь временное успокоеніе и вычитанныя мной въ „Выпискахъ изъ старописменныхъ и старопечатныхъ книгъ“, Озерскаго,—статьи о томъ, что „у еретиковъ болѣе воздержанія и молитвы,“ согласовались съ моимъ мнѣніемъ и недавали мнѣ покоя. Сомнѣнія относительно неправильностей старообрядчества, для самого меня незамѣтно, во мнѣ возрастали и развиваясь укоренялись такъ, что, иногда, какъ бы противъ воли, я вынужденнымъ находился говорить съ своими вовсе уже не въ пользу старообрядчества. Проговорившись такимъ образомъ, приходилъ иногда въ крайнее замѣшательство и потому нерѣдко оканчивалъ начатое двусмысленными словами. Въ свободное отъ дѣлъ время я, уединяясь, читалъ разныя книги и журналы духовнаго содержанія и съ особеннымъ вниманіемъ останавливался на статьяхъ обличающихъ расколъ, отчего болѣе и болѣе уразумѣвалъ чистоту и непорочность Христовой церкви, и убѣждался въ неправильности о ней своихъ мнѣній, а хулы и клеветы предшественниковъ начали казаться мнѣ то глупыми, то злонамѣренными. Особенно легко стало становиться на душѣ тогда, когда я научился отдѣлять догматъ отъ обряда, и пересталъ приписывать слабости частныхъ людей всей церкви. Но старообрядцу крайне трудно до этого доходить. Въ 1862 году, тайны сердца своего я первопачально рѣшился повѣрить одному искреннему другу своему, уставщику Наймушинской часовни, Симеону Леонтьевичу Юшкову, находившемуся въ этой должности около двадцати лѣтъ и пользовавшемуся во всемъ обществѣ любовію и почетомъ, не меньшимъ священническаго,—и что жь? Къ величайшему моему удовольствію и радости нашелъ, что и онъ имѣетъ сильное сомнѣніе въ старообрядчествѣ. Отъ всей души возблагодарилъ я Господа за такую драгоцѣнную для меня находку. И вотъ мы, отъ времени до времени, уединяясь, при взаимныхъ посѣщеніяхъ другъ друга, старались какъ можно основательнѣе изучить неправды раскола и очистить совѣсть свою отъ всѣхъ сомнѣній, все еще временемъ тяготившихъ насъ, для чего начали пріобрѣтать разныя книги и журналы, гдѣ говорилось противъ раскола; въ этомъ много содѣйствовалъ мнѣ добрѣйшій и достойнѣйшій пастырь о. Василій Георгіевичъ Сырневъ.

Перечитывая книги и журналы, мы, съ Юшковымъ, сли-

чали ихъ съ старопечатными книгами, дѣлали выписки, замѣтки, и въ этомъ занятіи проводили иногда цѣлыя ночи. Въ числѣ прочихъ книгъ пріобрѣлъ я книгу игумена Парѳенія „о промыслѣ Божіемъ,“ которая рѣшила всѣ наши недоумѣнія объ австрійской іерархіи. Прочитавъ ее и повѣривъ, по обыкновенію, съ Кормчею, мы никакъ не могли уже болѣе примириться съ этимъ лжесвященствомъ, и изъ распространителей его и защитниковъ сдѣлались, внутренно, непримиримыми врагами, хотя до времени и не могли этого обнаруживать, ибо не знали что начать и какъ лучше приняться за дѣло; даже своимъ семейнымъ не объявляли рѣшительно мыслей своихъ. Когда же семейные мои провѣдали о рѣшительномъ намѣреніи моемъ оставить расколъ,—то такъ вооружились противъ меня, въ особенности родительница, не хотѣвшая и слышать о примиреніи съ церковію, что на первыхъ порахъ готовы были даже бить меня своими руками; но время, а главное благодать Божія, незамѣтно ослабили ихъ ожесточеніе противъ меня; они сначала сдѣлались слушателями моими, а потомъ и главными помощниками мнѣ. Злоба чужихъ далеко не такъ была страшна, какъ ожесточеніе родныхъ своихъ, доводившее меня иногда до отчаянія. Одно средство оставалось и подкрѣпляло ослабѣвавшія душевныя силы,—это молитва.

Въ это же самое время уклоненіе православныхъ въ расколъ, въ нашей мѣстности, стало принимать огромные размѣры. Причины тому были слѣдующія: казанскіе и наши коноводы раскола вздумали разглашать въ народѣ о мнимомъ благоволеніи Высочайшей власти къ расколу и о дозволеніи переходить въ расколъ всѣмъ, кто бы ни пожелалъ. Въ подтвержденіе словъ своихъ показывали и раздавали простому народу во множествѣ экземпляровъ адресы казанскихъ старообрядцевъ, называя эти адресы указами Высочайше дарованными, по ихъ ходатайству, на свободу старообрядчеству. Льстивыя слова эти, и видъ раззолоченныхъ и украшенныхъ гербами листовъ, такъ подѣйствовали на простой народъ, что православные начали уклоняться не только семействами, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже цѣлыми селеніями. Уклонившіеся въ расколъ были вызываемы къ спросамъ и заявляли слѣдователямъ, что желали бы имѣть священника, еслибы дозволено было имѣть тѣ обряды, которые исполняются въ Наймушинской часовнѣ. Вслѣдствіе сего, благопопечительнѣйшій архипастырь, преосвященнѣйшій Агаѳангелъ,

бывшій епископъ Вятскій, далъ порученіе преждепомянутому священнику села Порѣзскаго Василію Сырневу располагать въ Наймушинской мѣстности старообрядцевъ къ принятію единовѣрія. Порученіе это священнику Сырневу, какъ извѣстному въ нашей мѣстности по безукоризненной нравственности и примѣрной жизни,—имѣло желанный успѣхъ. Имѣя къ нему полное довѣріе, мы начали съ нимъ обсуждать это дѣло гораздо свободнѣе. Предрасположивъ нѣсколько лицъ, готовыхъ слѣдовать истинѣ, мы для окончательнаго рѣшенія этого дѣла отправились въ Сарапуль, отстоящій отъ насъ въ 360 верстахъ, къ о. благочинному единовѣрческихъ церквей, протоіерею Василію Михеевичу Шутову, который, принявъ насъ съ полнымъ радушіемъ, далъ помѣщеніе въ своемъ домѣ, и мы у него прогостили болѣе недѣли, пользуясь его совѣтами и наставленіями. Сей достоуважаемый пастырь и ввелъ насъ въ ограду овецъ Христовыхъ марта 18 дня 1863 года. Въ этотъ же день, съ совѣта и благословенія отца протоіерея, мы написали и послали по почтѣ прошеніе преосвящ. Агаѳангелу объ открытіи въ Наймушинѣ церкви. На прошеніе это указомъ вятской духовной консисторіи на имя священника Василія Сырнева, предписано было: желающимъ принять единовѣріе избрать изъ среды себя людей достойныхъ сана священника и діакона, и постановить объ этомъ приговоръ; что и было сдѣлано въ августѣ 1863 года.

Во священника избранъ былъ товарищъ мой, старшій меня десятью годами, Симеонъ Леонтьевичъ Юшковъ, а въ діакона я. Все это дѣлалось отъ раскольниковъ тайно, дабы не встревожить ихъ безъ времени. Когда же они провѣдали, что мы намѣрены оставить ихъ общество, то начали всячески дознавать, что мы намѣрены предпринимать; но не могши подлинно этого дознать, попросили священника своего Маркелла Рябова спросить насъ предъ Евангеліемъ, прежде о томъ, признаемъ ли мы священство австрійское правильнымъ. Первый подвергся такому допросу товарищъ мой Симеонъ Юшковъ и долженъ былъ сознаться, что правильнымъ этого священства не признаетъ. Вскорѣ послѣ этого допроса онъ былъ выведенъ толпой раскольниковъ изъ казеннаго часовеннаго дома, гдѣ проживалъ съ самаго дѣтства, обруганный и обезчещенный всячески. Ему не дозволено было даже взять собственные его хлѣбные запасы, и когда онъ вознамѣрился было въ другое время взять ихъ, то караульщиками ча-

совни въ минуту созвано было все селеніе, даже женщины и дѣти прибѣжали съ кольями и камнями. Въ то же время подоспѣли и единовѣрцы; и пошло сраженіе не на животъ, а на смерть: удары кольями и камни сыпались съ обѣихъ сторонъ немилосердо, немало было и крови пролито; но какимъ-то чудомъ ни одинъ человѣкъ до смерти не былъ убитъ; одного ревностнаго единовѣрца, правда, избили было кольями почти до смерти и потоптавъ ногами, бездыханнаго бросили въ оврагъ, но онъ какъ-то отдышался, и дождавшись ночи ушелъ домой. Ожесточенные раскольники, провѣдавъ это, приходили было и въ домъ его, но не могши отыскать, удалились. Юшкову однако хлѣба своего увезти не удалось, ибо единовѣрцевъ, защищавшихъ его, была малая часть, потому раскольники взяли верхъ, и самъ онъ едва спасъ жизнь свою, убѣжавъ на верховой лошади въ лѣсъ. И не только основатели единовѣрія страдали и терпѣли обиды и стѣсненія, но и ни одинъ изъ единовѣрцевъ не остался не битымъ отъ раскольниковъ. Еслибъ я рѣшился описывать всѣ обиды и притѣсненія, какія перенесло единовѣрческое общество въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ, то объ одномъ этомъ составилась бы порядочная книга. И матеріалъ для этого готовъ: бывшій помощникъ Глазовскаго уѣзднаго исправника Николай Михайловичь Трапицынъ, заслужившій вѣчную отъ единовѣрцевъ благодарность, потрудился собрать всѣ эти свѣдѣнія. Быть можетъ, въ послѣдствіи дѣло это будетъ дозволено разобрать и извлечь нужнѣйшее. А стоило бы: тутъ есть много интереснаго. Но возвратимся къ разсказу. Въ то время какъ Юшковъ былъ искушаемъ всевозможными отъ раскольниковъ озлобленіями, я еще пользовался льготою и даже служилъ попрежнему въ часовнѣ. Хотя раскольники и звали, что отдѣленіе нѣкіихъ братій ихъ началось не иначе какъ по моимъ внушеніямъ, но все еще надѣялись склонить меня къ миру. А какія козни готовили сотоварищу моему, мнѣ высказывали какъбы ненамѣренно, дабы тѣмъ устрашась—оставилъ я свое намѣреніе. Такъ зять Телицына купецъ Е. Л., пріѣхавъ въ наше селеніе въ домъ бывшаго лжепопа, а нынѣ священника Наймушинской единовѣрч. церкви, племянника моего Маркелла Рябова и пригласивъ меня, повелъ рѣчь о *заблужденіи* Симеона Юшкова, и наконецъ высказался такъ: „развѣ мы поддадимся Юшкову? Живаго въ землю вкопаемъ! и всего-то будетъ стоить сто рублей. Ха, ха ха! я ужъ со ста-

новымъ говорилъ. Да кстати вотъ ему на дняхъ, кажется, зададутъ хорошую порку за то, что нарубилъ лѣсу безъ билета. Я ужъ съ лѣсничимъ толковалъ, и теперь ему не миновать розогъ; а еслибы оставилъ свои глупости, я бы лѣсъ его заклеймилъ своимъ клеймомъ и былъ бы свободенъ". Выслушивая такія объясненія, я представлялъ себѣ будущее свое положеніе, и невольная дрожь пробѣгала по моему тѣлу. Переговоривъ это, Л. обнялъ меня и началъ спрашивать: „А вы-то какъ думаете, не хотите ли и вы къ антихристу-то? Боже васъ сохрани! На Иргизѣ, которые отступили во время взятія монастырей, всѣ переколѣли злою смертію; или животъ разорветъ, лопнетъ, или скоропостижно околѣетъ",—и началъ Л. перечислять имена умершихъ или, по его выраженію, околѣвшихъ отступниковъ, и такихъ насказалъ мнѣ вещей, что страшно и слушать. На всѣ его вопросы и внушенія я только сказалъ: „къ антихристу я не только не думалъ приступать, но молю Бога, чтобъ и васъ отъ козней сохранилъ; о томъ же, какую кончину кому Господь благоволилъ послать, не наше дѣло разсуждать; мы знаемъ изъ Писанія, что грѣшники умираютъ смертію праведника и наоборотъ". Тогда Л. спросилъ уже прямо: „да вы, слышно, сомнѣваетесь въ нашемъ священствѣ"? Я рѣшительно отвѣчалъ: „Да, австрійское священство я не признаю священствомъ". Тогда Л., не возражая мнѣ, вышелъ, а вслѣдъ за нимъ и бывшіе тутъ передовые изъ старообрядцевъ, и по долговременномъ совѣщаніи возвратясь, начали улещать меня обѣщаніемъ разныхъ выгодъ. Но я, видя, что пришло время и моего страданія, рѣшительно отъ всего отказался и ушелъ домой. Я раньше сказалъ, что раскольники знали о моемъ намѣреніи оставить ихъ общество, но не сказалъ, почему это они знали. Вотъ почему: одинъ изъ старообрядцевъ, раздѣлявшихъ наши убѣжденія и знавшій наши намѣренія, бывши случайно въ Сарапулѣ, еще прежде нашего присоединенія, объяснилъ о. протоіерею Василію Шутову наши предположенія. О. протоіерей заставилъ его изложить все это подробно на бумагѣ, въ видѣ объявленія, и тогда же пригласилъ его съ собой ѣхать въ Петербургъ, гдѣ объявленіе это и было показано лишь, по словамъ о. протоіерея, высокопреосвященнѣйшему митрополиту Исидору и въ канцеляріи бывшаго товарища оберъ-прокурора Св. Синода князя Урусова и еще въ немногихъ мѣстахъ. Въ Москвѣ когда было прочитано объявленіе

это, блаженной памяти, митроп. Филарету, онъ, ознаменовавъ себя крестнымъ знаменіемъ, сказалъ: „Слава Тебѣ, Господи, что и въ такое смутное время все еще являются люди благоразумные, не поддающіеся обольщеніямъ“! Подъ обольщеніями владыка, вѣроятно, разумѣлъ австрійское лжесвященство. Но не успѣлъ о. протоіерей, съ тайнымъ единовѣрцемъ, возвратиться въ Сарапулъ, какъ объявленіе уже прислано было къ намъ изъ Хвалынска, въ копіи, написанной на листѣ почтовой бумаги рукою роднаго брата моего лжепротодіакона Максимиліана. Но тогда я могъ отъ всего написаннаго въ объявленіи отказываться, говоря, что оно сдѣлано безъ моего согласія. Хотя племянникъ мой и раскольники быть можетъ и не совсѣмъ повѣрили оправданіямъ моимъ, но и раздражать меня не находили выгоднымъ. Объ объявленіи этомъ я сказалъ для того, чтобъ показать, какъ сильна рука раскольниковъ.

Потерявъ надежду возвратить меня въ свое общество, раскольники взялись за рѣшительныя мѣры. Подговоривъ на свою сторону становаго пристава и писца его С., начали дѣлать намъ разныя стѣсненія и сочинять на насъ и содѣйствовавшаго намъ священ. Вас. Сырнева разныя прошенія. Прежде всего подали прошеніе, отъ имени одного единовѣрца, въ Святѣйшій Синодъ, гдѣ очернивъ Юшкова и меня, какъ только могли, жаловались будто мы, сдѣлавшись непотребными въ своемъ обществѣ, вздумали завесть единовѣріе, для чего записали въ единовѣріе, будто бы, не только этого просителя, но еще семействъ до пятидесяти, безъ всякаго съ ихъ стороны согласія. На самомъ же дѣлѣ и всѣхъ единовѣрцевъ было тогда не много болѣе пятидесяти душъ, а не семействъ. Подобныхъ просьбъ Телицыны и Л. настряпали множество отъ имени разныхъ лицъ—и начальнику губерніи, и въ палату Г. И., и даже шефу корпуса жандармовъ,—жалуясь на насъ, какъ бы на возмутителей общественнаго спокойствія и проч. и проч.

Въ это время многіе изъ преданныхъ намъ раскольниковъ, увѣдомляя насъ о замыслахъ и козняхъ коноводовъ своихъ, Телицыныхъ и Л. противъ насъ, со слезами упрашивали насъ оставить свое намѣреніе, разсказывая подробно, что и какъ враги наши хотятъ съ нами сдѣлать. Они говорили: „становой и писарь его И. С. совѣтуютъ заводить на васъ какъ можно болѣе дѣлъ и готовить свидѣтелей; тогда, говорятъ, навѣрно изловимъ ихъ. За сви-

дѣтелями, сами знаете, у нихъ дѣло не станетъ; какъ раньше за деньги находилось ихъ сколько угодно, такъ и теперь найдется; а чиновники—не только мелкіе, но и весьма сильныя лица въ губерніи—на сторонѣ Телицыныхъ. Г. М.....кій взялъ уже въ задатокъ 1000 руб. и далъ слово сдѣлать такъ, какъ имъ хочется; а хочется-то имъ, оклеветавъ васъ чѣмъ-нибудь, наказать и сослать на поселеніе, а намъ крайне васъ жаль; пожалѣйте же вы себя и свои семейства". На слезы эти и увѣщанія друзей нашихъ мы, поблагодаривъ ихъ за усердіе къ намъ, отвѣчали всегда одно: „братіе, если начинаніе наше угодно Богу, то оно состоится; а если не угодно, то пусть разрушится, и мы потерпимъ то, что Господь попуститъ; ибо и въ расколѣ намъ оставаться не легко, поелику мы, по милости Божіей, созрѣли настолько, что жизнь въ отчужденіи отъ церкви Божіей намъ невыносима. Почему совѣтуемъ и вамъ подумать о томъ же". Затѣмъ слѣдовала нерѣдко продолжительная бесѣда, иногда сопровождавшаяся обращеніемъ кого-нибудь изъ слушателей ко св. церкви.

Каждый обращавшійся въ единовѣріе просилъ, чтобы обращеніе его было никому неизвѣстно кромѣ духовнаго начальства, и это по возможности было исполняемо. Благоразсудный священникъ села Порѣзскаго Василій Георгіевичъ Сырневъ, отобравъ отъ обращающихся подписку, для засвидѣтельствованія оной приглашалъ въ свой домъ благонадежнаго члена волостнаго правленія; а потому раскольникамъ, до времени, вовсе нельзя было знать, кто отъ нихъ отдѣляется,—и это незнаніе вводило ихъ въ многія ошибки. Не зная вновь обратившихся, коноводы раскола проговаривались при нихъ о своихъ замыслахъ и надеждахъ, а такъ же и о томъ, какому чиновнику и сколько дано, или слѣдуетъ дать, и по скольку рублей съ души предполагается собрать на этотъ предметъ денегъ. Сборы эти раскольники замаскировывали пожертвованіями то—на губернскую женскую гимназію, то на пострадавшихъ отъ польскаго мятежа, и проч.; за что получали отъ начальства благодарность и одобренія. По поводу пожертвованія на женскую гимназію въ Вятскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ напечатана была статья со всевозможною похвалою Телицыну и всему старообрядству. №№ этой газеты раскольники вездѣ съ торжествомъ показывали православнымъ и единовѣрцамъ, что производило не малый соблазнъ и колебаніе между обра-

тившимися и желавшими обратиться ко св. церкви. Почти каждаго, кто объявлялъ себя единовѣрцемъ, раскольники убѣждали отказаться отъ единовѣрія, и за это предлагали ему деньги и всѣ хлопоты передъ начальствомъ по этому дѣлу брали на себя. На издержки нужныя для того и другаго, жертвовали щедрою рукою не только прихожане Наймушинской часовни, но, по приглашеніямъ ихъ, многіе и изъ иногородныхъ раскольниковъ. Но, хвала и слава малому стаду овецъ Христовыхъ! При всѣхъ стѣсненіяхъ съ одной стороны и ласкахъ и обѣщаніяхъ съ другой—ни одинъ не согласился измѣнить истинѣ, а всѣ твердо стояли.

1864 года, 12 февраля, по благословенію преосвященнѣйшаго Агаѳангела епископа Вятскаго, принимавшаго всѣ мѣры къ огражденію единовѣрцевъ отъ нападокъ раскольническихъ,—прибылъ въ Наймушино благочинный единовѣрческихъ церквей о. протоіерей Василій Михѣичь Шутовъ, для открытія мѣста молитвенныхъ единовѣрческихъ собраній въ пожертвованномъ на сей предметъ Симеономъ Юшковымъ домѣ. Раскольники, провѣдавъ это, собрались въ числѣ двухъ сотъ человѣкъ, и окруживъ этотъ домъ, недопустили о. протоіерея даже и войти въ него, производя всевозможный крикъ и шумъ. Вслѣдствіе чего въ молитвенный домъ обращенъ былъ домъ, принявшаго единовѣріе, крестьянина Ѳеодора Мин. Наймушина, который и былъ избранъ и утвержденъ церковнымъ старостою. Къ молитвенному дому назначены были единовѣрческіе священники: села Красногорскаго о. Константинъ Іоанновичь Ложкинъ и Тушкинскій о. Арсеній Сперанскій, которые и пріѣзжали къ намъ, въ мѣсяцъ разъ, поочередно. Эти благочестивые пастыри, въ особенности первый изъ нихъ, много потрудились въ укрѣпленіи обратившихся, словомъ, а болѣе всего строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей, дѣйствовавшимъ лучше всякихъ увѣщаній на души и сердца новообращенныхъ. Въ отсутствіе же священниковъ, простую службу совершали мы съ Симеономъ Юшковымъ и прочими единовѣрцами; иконами и книгами молитвенный домъ снабженъ былъ изъ моленной моего дома и частію пожертвованными церковнымъ старостою Ѳ. Наймушинымъ. Радость наша была несказанна, когда получили мы себѣ пастырей соотвѣтствовавшихъ, какъ нельзя лучше, нашимъ желаніямъ, и пріютъ, гдѣ могли попрежнему собираться для общей молитвы, и гдѣ собираясь мы имѣли полную возможность укрѣплять, убѣждать

и утѣшать другъ друга въ перенесеніи толь тяжкихъ скорбей.

Въ это время дочь одного единовѣрца, выданная за раскольника, желая присоединиться къ церкви, но немогши склонить къ этому мужа своего, отошла отъ него къ отцу своему, ибо и пораскольнически еще не была вѣнчана, и по бѣдности своей нанялась ко мнѣ въ работницы. Бывшій мужъ ея, будучи наученъ коноводами раскола, взялъ принадлежащую ей лошадь и отвелъ къ раскольнику, какъ свою собственную. Узнавши это, работница моя, взяла, съ моего дозволенія, работника моего и при помощи его тотчасъ же лошадь свою увела и заперла въ особую конюшню. Чрезъ нѣсколько дней одинъ православный крестьянинъ увѣдомилъ меня, что раскольники собравшись что-то совѣтуютъ противъ меня, и что въ собраніе это приглашены извѣстные пьяницы изъ православныхъ, вѣроятно для какого нибудь лжесвидѣтельства. Вскорѣ послѣ этого извѣстія, я услышалъ на дворѣ моемъ шумъ и крикъ многихъ голосовъ. Призвавъ Бога въ помощь и прочитавъ 90-й псаломъ *(живый въ помощи Бога вышняго)*, я вышелъ на дворъ и увидѣлъ толпу раскольниковъ, человѣкъ до седмидесяти, въ числѣ коихъ были и сказанные пьяницы изъ православныхъ. Увидавъ меня, всѣ закричали: забирайте его конокрада, вяжите! и проч., но ударить или схватить меня, какъ ни поощряли другъ друга, никто нерѣшился. Давъ имъ накричаться, я спросилъ: „зачѣмъ вы сюда пришли и по чьему приказанію, или, укажите мнѣ, кто васъ сюда привелъ, ибо я съ вами никакой власти невижу? Раскокьники кричали: выдай намъ лошадь и прогони жену N! Я отвѣчалъ, что ни тому ни другому не препятствую; во на это есть власти, и вы должны просить ихъ, а не поступать поразбойнически: вѣдь за такой поступокъ вамъ придется строго отвѣчать". Выслушавъ это, раскольники одинъ по одному удалились.

Черезъ нѣсколько времени я узналъ отъ тайнаго единовѣрца, что писарь становаго И. С—въ сочинилъ на меня отъ имени раскольника, бывшаго мужа моей работницы, прошеніе слѣдственному приставу, съ обвиненіемъ, будто бы я покралъ въ ночное время изъ-за замка лошадь его. Раскольники, по совѣту писаря, подкупили пристава, такъ что онъ безъ всякаго дознанья тотчасъ же далъ предписаніе въ Порѣзское волостное правленіе арестовать меня. Однако волостное правленіе сдѣлать этого нерѣшилось и объявивъ мнѣ предписаніе слѣдственнаго пристава, не

лишало меня свободы; но я, зная замыслы раскольниковъ, взялъ съ предписанія копію. Это было въ половинѣ іюня 1864 г., когда преосвященнѣйшій Агаѳангелъ, проѣжая по епархіи, долженъ былъ, 20-го числа, посѣтить и Наймушинскій молитвенный домъ. Провѣдавъ о распоряженіи слѣдственнаго пристава, производившій о злодѣйствахъ раскольниковъ слѣдствіе, Г. Николай Мих. Трапицынъ тотчасъ же написалъ мнѣ, чтобъ я не робѣлъ, не обращалъ вниманія на распоряженія слѣдственнаго пристава, и чтобы ждалъ преосвященнаго въ молитвенномъ домѣ; это я и исполнилъ. (Послѣ я слышалъ, что слѣдственный приставъ очень дорого поплатился за поступокъ свой, лишившись мѣста.) Къ пріѣзду владыки собрались въ молитвенный домъ единовѣрцы всѣ до одного, со всѣми своими семействами. По окончаніи обыкновенной литіи, незабвенный архипастырь, поздравивъ насъ съ присоединеніемъ ко св. церкви и открытіемъ молитвеннаго дома, благословилъ Юшкова и меня и, обоихъ поцѣловавъ, подарилъ намъ по книжицѣ. При видѣ архипастыря кроткаго и любвеобильнаго, мы едва могли говорить отъ радости и у нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ видны были слезы; единовѣрцы, тѣсня другъ друга, спѣшили принять святительское благословеніе, ибо видѣли предъ собою не только архіерея, но и попечительнѣйшаго отца: каждому единовѣрцу было извѣстно, что онъ одинъ не допускаетъ поклонниковъ златаго тельца разрушить надежды наши. Что могла сдѣлать горсть единовѣрцевъ въ борьбѣ съ десятитысячнымъ обществомъ раскольниковъ, имѣвшихъ, къ тому же, на своей сторонѣ сильныхъ *и славныхъ земли*, еслибъ не защита и покровительство владыки, зорко слѣдившаго за ходомъ дѣлъ единовѣрія? Обласканные преосвященнѣйшимъ, мы забыли все свое горе и не жаловались на невыносимыя притѣсненія; но за насъ началъ говорить благороднѣйшій Николай Михайловичъ Трапицынъ. Ознакомившись съ плутнями раскольниковъ на мѣстѣ, онъ объяснилъ всѣ продѣлки ихъ владыкѣ и бывшему тутъ Глазовскому уздному исправнику. Архипастырь, выслушавъ все, милостиво подозвалъ меня и С. Юшкова къ себѣ, многое сказалъ намъ въ утѣшеніе, называлъ насъ исповѣдниками, обѣщалъ просить начальника губерніи объ огражденіи насъ со стороны раскольниковъ, и неоднократно благословивъ насъ, отправился въ путь свой, благословляемый всѣми единовѣрцами.

Черезъ мѣсяцъ по отбытіи преосвященнѣйшаго, положе-

ніе наше дѣйствительно улучшилось. Раскольники, видя, какъ коноводовъ ихъ смиряетъ г-нъ Трапицынъ, пріостановились дѣлать единовѣрцамъ дерзости и побои, какъ за-частую дѣлали доселѣ; главный коноводъ Иванъ Телицынъ и его пособники, бывъ изобличены въ подачѣ ложныхъ, отъ чужихъ именъ, прошеній и проч., были отправлены въ глазовскій острогъ, и начальникомъ губерніи строжайше было предписано мѣстной полиціи дѣлать единовѣрцамъ защиту и покровительство, что и исполнялось въ нѣкоторой мѣрѣ, хотя съ крайнею неохотою и явными поблажками расколу.

Радость наша еще болѣе увеличилась, когда преосвященнѣйшій Агаѳангелъ соблагоизволилъ прислать намъ въ благословеніе точный списокъ съ образа великорѣцкаго чудотворца святителя Николая, въ сребропозлащенномъ окладѣ и вѣнцѣ, съ собственноручною на оборотѣ образа надписью: „Въ даръ и благословеніе благочестивому обществу православныхъ христіанъ Наймушинскаго единовѣрческаго молитвеннаго дома, *для святаго храма, имѣющаго по благодати Божіей соорудиться* въ селеніи Наймушинѣ“. И было чему радоваться: мы получили образъ того угодника, къ которому во всѣхъ скорбныхъ обстоятельствахъ преимущественно обращались, прося его ходатайства о насъ, и яснѣйшее доказательство милостиваго вниманія къ намъ архипастыря нашего, и радостнѣйшую вѣсть о томъ, что въ Наймушинѣ нѣкогда соорудится храмъ Божій. Что могло быть тогда для насъ еще радостнѣе и утѣшительнѣе этого? Поистинѣ ничто. Къ нашему образу не только единовѣрцы, но и многіе раскольники имѣютъ великую вѣру и, по вѣрѣ ихъ прошенія во благое всегда исполняются. Въ послѣднее время угодникъ Божій такъ прославилъ образъ свой, что и изъ другихъ уѣздовъ стали пріѣзжать не только русскіе, но и Вотяки. *Не бойся малое стадо*, яко Отецъ Небесный благоволи дати вамъ таковаго неусыпнаго стража, по молитвамъ святителя своего Агаѳангела, далекаго теперь отъ насъ тѣлеснѣ, но присущаго намъ духомъ.

Не имѣя въ виду никакихъ средствъ для предполагаемаго сооруженія св. храма, я въ іюлѣ мѣсяцѣ того же 1864 года расположилъ церковнаго старосту Ѳ. Наймушина ѣхать со мною на Нижегородскую Макарьевскую ярмарку для сбора пожертвованій. Прибывъ туда и остановившись у извѣстныхъ благотворителей, Елабужскихъ купцовъ Стахѣевыхъ, мы испросили благословеніе и раз-

рѣшеніе на сборъ отъ высокопреосвященнѣйшаго Нектарія. Но сборы ярмарочные очень скудны, по причинѣ многаго числа сборщиковъ, наѣзжающихъ изъ всѣхъ концевъ Россіи. Въ Нижнемъ я познакомился со многими замѣчательными въ единовѣріи личностями: священниками, игуменами и архимандритами; нѣкоторые изъ нихъ, подобно мнѣ, сами вышли изъ мрака раскола; а потому бесѣда съ ними обогащала меня многими нужными для меня свѣдѣніями. Здѣсь же я видѣлъ о. Мелетія, инока Аѳонской горы, автора „писемъ къ друзьямъ“, и по указанію его познакомился со многими московскими, калужскими и прочими купцами ревнителями единовѣрія. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ я, по ихъ просьбѣ, писалъ кой-что о единовѣріи; ибо у представительныхъ лицъ единовѣрія было тогда всеобщее желаніе ходатайствовать о дарованіи единовѣрцамъ епископа. Въ составленіи проэкта по этому предмету приглашенъ былъ и я принять участіе. Въ концѣ августа, по совѣту московскаго фабриканта золотокружныхъ дѣлъ В. Е. Хухлина, отправился я въ Москву. По прибытіи туда, остановился при Троицкой новоблагословенной единовѣрческой церкви. Добрѣйшій и благодушнѣйшій священникъ сей церкви о. Георгій Георгіевичъ Воздвиженскій не замедлилъ дать мнѣ помѣщеніе. Цѣлый мѣсяцъ я употребилъ исключительно на обзоръ замѣчательнѣйшихъ древностей столицы и Троицкой Сергіевой лавры. Въ лавру ѣздилъ я по желѣзной дорогѣ съ семействомъ преждепомянутаго фабриканта Хухлина. Онъ не только принялъ на себя всѣ расходы по путешествію и пребыванію въ лаврѣ, но еще пріобрѣлъ для меня нѣсколько гравюръ съ достопримѣчательностей лавры. На пути въ лавру мы остановились въ Хотьковѣ, гдѣ отслушавъ вечерню и панихиду по родителяхъ преподобнаго Сергія, Кириллѣ и Маріи, прибыли съ вечернимъ поѣздомъ въ св. лавру на 14-е сентября. Народу было такое множество, что всѣ лаврскіе храмы были биткомъ набиты. Всенощное богослуженіе слушали мы въ Троицкомъ храмѣ; совершалъ оное о. архимандритъ намѣстникъ лавры. Строгій чинъ, множество иноковъ, стройное пѣніе, и неспѣшное, внятное, безъ малѣйшихъ опущеній, чтеніе канонарховъ какъ нельзя лучше дѣйствовали на мою душу, и я очень сожалѣлъ, что мои родные и знакомые, остающіеся въ расколѣ, не имѣютъ возможности всего этого видѣть и слышать, тогда какъ все это могло бы совѣсть ихъ примирить съ православіемъ лучше

всякихъ увѣщаній. Впрочемъ, еслибы я вздумалъ описывать все, что перечувствовалъ въ этотъ незабвенный для меня мѣсяцъ, то потребовалось бы написать особенную книгу Скажу короче: сомнѣнія и недоумѣнія, возникавшія во мнѣ дотолѣ, относительно правоты православія, по осмотрѣ многихъ святынь и древностей, теперь не имѣли во мнѣ болѣе мѣста; ибо удостовѣрившись во многомъ лично, я такъ возлюбилъ матерь свою св. церковь, что врагъ искуситель не дерзалъ болѣе приступать ко мнѣ, и я стяжалъ совершенный душевный миръ, воздавая благодареніе Показавшему мнѣ свѣтъ.

При отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, Василій Егоровичъ Хухлинъ, давъ мнѣ денегъ на дорогу, пожертвовалъ для церкви кусокъ хорошей парчи и проч., а попечитель Троицкой церкви, Иванъ Никитичъ Рыжковъ, пожертвовалъ для церкви двѣнадцать богослужебныхъ книгъ. Благотворители сіи и преждепомянутый свящ. о. Георгій Георгіевичъ Воздвиженскій и послѣ отъѣзда моего много помогали устройству Наймушинской церкви своими пожертвованіями. Да воздастъ имъ Господь Богъ благами временными и вѣчными.

Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ домой полученъ былъ указъ вятской духовной консисторіи, отъ 7-го октября, о принятіи меня и Симеона Юшкова въ духовное званіе съ наименованіемъ дьячками и дозволеніемъ просить его преосвященство о посвященіи въ стихарь. Въ это время ненавистникъ спасенія человѣческаго еще употребилъ одно средство, чтобъ поколебать уже достаточно окрѣпшую вѣру мою, для чего приступилъ уже съ другой стороны: одинъ знакомый далъ мнѣ для чтенія, въ числѣ прочихъ книгъ, тетрадки, излагающія ученіе Дарвина и прочихъ матеріалистовъ. Глубоко непріятное чувство овладѣло всѣмъ существомъ моимъ, когда я вспомнилъ неблагопріятные, еще раньше доходившіе до меня слухи, что нѣкоторые пастыри держатся подобныхъ убѣжденій. Теперь помыслъ мнѣ говорилъ: „Вотъ чему вѣруютъ твои православные,—мертвой матеріи и какимъ-то атомамъ. Не отсюда ли истекаетъ и небрежность ихъ въ богослуженіяхъ; а ты еще къ нимъ присталъ и хочешь найти спасеніе. Развѣ не видишь, что лица, долженствующія проводить свѣтъ Христова ученія въ народъ, сами заражены такою опасною болѣзнію, и врачевать ее, ты видишь, никто не заботится, и дойдетъ до того, что всѣ будутъ раздѣлять это ученіе?“ Сколько было силъ, я боролся съ этимъ

помысломъ, относя его прямо къ искусителю. Но сей враждебный помыслъ отъ времени до времени все-таки тревожилъ меня дотолѣ, пока я не пріѣхалъ въ Вятку, для посвященія во діаконы,—это было 4-го декабря 1864 года. Незабвенный архипастырь преосвященнѣйшій Агаѳангелъ стужилъ въ Царевской церкви. При этомъ служеніи говорилъ проповѣдь бывшій настоятель той церкви, отецъ протоіерей Стефанъ Никифоровичъ Кашменскій (нынѣ онъ каѳедральный протоіерей) (а). Слово его было какъ бы нарочно направлено противъ безбожнаго ученія новѣйшихъ матеріалистовъ. Голосъ сего проповѣдника показался мнѣ тогда гласомъ самаго неба, со всею силою обличающаго блуждающее въ распутіяхъ лжеученій человѣчество. Никогда я не забуду сказанныхъ имъ, съ особеннымъ скорбнымъ выраженіемъ въ лицѣ, словъ: „О, мудрецы, мудрецы!“ и проч. Въ этомъ обстоятельствѣ явственно я видѣлъ промыслъ Божій, пекущійся о спасеніи нашемъ. Я пріѣхалъ въ градъ сей принять на себя, хотя и на одно рамо, таинство священства,—не потребно ли было мнѣ очистить совѣсть свою отъ всѣхъ сомнѣній? И вотъ самъ Господь вложилъ мнѣ мысль пойти въ этотъ храмъ; самъ собою я могъ и не быть при этомъ богослуженіи, ибо только-что пріѣхалъ предъ самою литургіею и притомъ въ очень холодное время; но услышавъ отъ хозяина квартиры, что тутъ вблизи служитъ Владыка, поспѣшилъ отправиться, и, слава Богу! нечестивые и хульные помыслы разлетѣлись въ-прахъ.

Того же числа мы съ товарищемъ явились къ преосвященнѣйшему и подали прошеніе. Любвеобильнѣйшій архипастырь, принявъ насъ съ обычною благосклонностію, тогда же наложилъ на прошеніи резолюцію и, позвавъ своего письмоводителя, поручилъ ему идти съ нами въ Консисторію для сдѣланія производства. На другой день С. Юшковъ былъ произведенъ въ діакона, а 6-го числа,

---

(а) Этотъ рѣдкій благочестіемъ пастырь глубоко уважается отъ всѣхъ благомыслящихъ людей во всей Вятской епархіи, не по тому высокому положенію, какое онъ занимаетъ, а единственно потому, что вполнѣ сего заслуживаетъ, и потому-то поставившій его на сіе мѣсто, вѣрный, безпристрастный цѣнитель достоинствъ и недостатковъ преосвящ. Агаѳангелъ считалъ его находкою своею, о чемъ намекъ сдѣлалъ и въ прощальной рѣчи своей Вятскому духовенству, словами: «дѣятели отысканы и поставлены на свои мѣста». и проч.

въ праздникъ святителя и Чудотворца Николая, я недостойнѣйшій посвященъ во діакона, Симеонъ же Юшковъ во священника. Владыка, зная немощныя совѣсти старообрядцевъ, не дозволилъ взять съ насъ слѣдующихъ за граматы денегъ, и вообще мы, буквально, никуда и ни одной копѣйки не израсходовали. Такая мудрая предусмотрительность архипастыря крайне насъ удивляла и заставляла болѣе и болѣе къ нему благоговѣть. На другой день посвященія, 7-го декабря, мы ходили къ преосвященному вмѣстѣ съ прилучившимся въ Вяткѣ благочиннымъ единовѣрческихъ церквей, о. протоіереемъ Василіемъ Шутовымъ. Владыка, принявъ насъ чрезвычайно милостиво и всѣхъ посадивъ, предлагалъ намъ свои мнѣнія и предположенія о средствахъ къ построенію въ Наймушинѣ храма, также спрашивалъ и нашихъ о семъ дѣлѣ мнѣній. Владыка остановился на рѣшеніи пригласить чрезъ о.о. благочинныхъ все духовенство Вятской епархіи къ добровольному пожертвованію; для чего приказалъ намъ заготовить, отъ имени его, потребное число пригласительныхъ листовъ; и это былъ дѣйствительно главный источникъ, на который преимущественно обращено было и наше упованіе. Кромѣ того заботливость преосвященнаго Агаѳангела объ устройствѣ въ Наймушинѣ церкви лучше всего доказывается оффиціальными мудрыми распоряженіями. На первоначальную заготовку матеріаловъ были выданы владыкою 250 руб. изъ числа пожертвованныхъ Вятскимъ 1-й гильдіи купцомъ Я. А. Прозоровымъ. Такимъ образомъ утѣшивъ насъ возможностію построенія храма, преосвященный Агаѳангелъ не забылъ порадовать насъ еще и тѣмъ, что показалъ намъ изготовленное представленіе Св. Сѵноду съ ходатайствомъ о назначеніи намъ жалованья. Затѣмъ, выдавая намъ ставленыя граматы, каждаго неоднократно благословилъ и поцѣловавъ отпустилъ съ миромъ. Для распоряженій и наблюденія по устройству храма учрежденъ былъ комитетъ, членами коего утверждены Порѣзскій священникъ о. Василій Сырневъ, новопоставленный священникъ Симеонъ Юшковъ, я и церковный староста Ѳеодоръ Наймушинъ. Много было перенесено, во время постройки церкви, членами комитета непріятностей, употреблено хлопотъ и усилій, такъ что всего и не пересказать. Но есть нѣчто, что не излишнимъ нахожу сказать.

Когда былъ заготовленъ лѣсъ и приступили уже къ рубкѣ самой церкви, раскольники успѣли склонить уѣзд-

наго лѣсничаго наложить на заговленный лѣсъ секвестръ. Рабочіе должны были проживать безъ всякаго дѣла, на казенномъ содержаніи. Раскольники торжествовали, думая, что дѣло остановилось навсегда. Лѣсничій Полякъ, вызвавъ церковнаго старосту, всѣмъ намъ грозилъ—кому смирительнымъ домомъ, кому лишеніемъ сана и проч., и это при раскольникахъ. Что дѣлать? Одинъ изъ членовъ комитета долженъ былъ въ самую распутицу, и на страстной недѣлѣ, ѣхать въ Вятку и ходатайствовать о снятіи секвестра предъ губернскимъ лѣсничимъ. Съ большимъ трудомъ удалось лишь исходатайствовать позволеніе продолжать начатую работу и употреблять лѣсъ; но дѣло по обвиненію насъ оставлено было все-таки въ ходу, и мы были долгое время подъ страхомъ строжайшей отвѣтственности,—а все это по милости раскольниковъ, не желавшихъ и слышать о постройкѣ въ Наймушинѣ церкви. Впрочемъ отъ раскольниковъ переносить оскорбленія мы уже привыкли и считали это дѣломъ обыкновеннымъ. Но крайне невыносимо было терпѣть нападки и дерзкія обиды отъ именующихся православными представителей власти; по распоряженію одного изъ нихъ, въ сказанное время, неоднократно являлся съ запрещеніемъ употреблять лѣсъ, всегда пьяный, полицейскій сотскій съ толпою раскольниковъ, и какихъ дерзостей намъ не приходилось перенесть отъ этого строгаго исполнителя воли *начальства*! Разъ, вызвавъ насъ на площадь чрезъ десятскаго, выкликалъ насъ къ отвѣтамъ по фамиліямъ: „Юшковъ,—Рябовъ, какъ вы смѣли“ и проч. и проч. Тяжко было выслушивать дерзости неграмотнаго мужика; но дѣлать было нечего: мы отвѣчали скрѣпя сердце. 1866 года въ началѣ іюня, постройка храма была вчернѣ окончена, о. благочинный протоіерей Василій Шутовъ исходатайствовалъ благословеніе Его преосвященства на освященіе храма и получилъ древній антиминсъ. Примѣчанія достойно, что сей антиминсъ первоначально былъ въ церкви, на мѣстѣ явленія образа Святителя Христова Николая на рѣкѣ Великой, освященный при Всероссійскомъ патріархѣ Іовѣ и царѣ Борисѣ Ѳеодоровичѣ, въ лѣто 7109, маія въ 21 день. Ранѣе этого, какъ я уже говорилъ, присланъ былъ Его преосвященствомъ въ благословеніе образъ сего угодника, подлинный списокъ съ чудотворнаго образа. Первые священнослужители нашего единовѣрческаго храма посвящены въ день памяти сего святителя и въ томъ самомъ придѣлѣ, гдѣ обрѣтается чудотворный его образъ, и наконецъ те-

перешній священникъ Наймушинской церкви Маркеллъ Рябовъ, посвященъ въ день торжественной отправки изъ Вятки образа св. Николая на мѣсто явленія. Все это никакъ нельзя приписывать случаю, а приходится признать промыслъ Божій, ясно указующій въ святителѣ Николаѣ покровителя нашему храму. Не забывайте же братіе, чада св. Наймушинскаго храма, обращаться къ покровительству, самимъ Богомъ дарованнаго вамъ скораго ходатая и теплаго заступника, свят. Николая!

Освященіе храма было совершено 18-го іюня благочиннымъ единовѣрческихъ церквей, протоіереемъ Василіемъ Шутовымъ, въ сослуженіи четырехъ священниковъ, діакона и дьячка, съ множествомъ пѣвчихъ изъ прихожанъ и даже не присоединившихся старообрядцевъ; стеченіе народа было многочисленное, даже изъ дальнихъ мѣстностей было множество богомольцевъ. Старообрядцы села Наймушина и ближайшихъ селеній также, оставя на время вражду и всѣ дѣла свои, торжествовали вмѣстѣ съ единовѣрцами какъ одна семья. Во время торжественнаго крестнаго хода у многихъ изъ нихъ видны были слезы. Все это доказываетъ, что духъ старообрядца, несмотря на множество предубѣжденій, скорбитъ о матери своей св. церкви и стремится выпутаться изъ тенетъ суевѣрій; но отъ самой колыбели насѣянные въ душу его плевелы такъ глубоко вкоренились въ ней, что исторгнуть ихъ можно только при помощи свыше, безъ коей всѣ усилія человѣческія ничтожны. На водружальномъ крестѣ съблагословенія отца протоіерея В. Шутова написана мною кратко вся исторія основанія храма, возникшаго по неусыпному тщанію преосвященнѣйшаго Агаѳангела; безъ его содѣйствія, вѣроятно, на долгое бы время осталось это, поистинѣ великое дѣло, не совершеннымъ.

О томъ, какъ я сдѣлался вдовымъ, и какъ вдовый посвященъ въ санъ священника, притомъ въ молодыхъ лѣтахъ, и о многомъ необычномъ со мной случившемся, въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ—объявить свѣту удерживаюсь до времени, когда это будетъ потребно и угодно Богу въ прославленіе святаго имени Его.

Вятской епархіи, села Сосновогорскаго священникъ Кириллъ Рябовъ. Мая 25 дня, 1870 года.